

Содержание:

Введение	3
Глава I. Социально-экономическое положение Монголии на рубеже XIX – XX веков	13
I. I. Административное устройство и экономическое положение Монголии.....	13
I. II. Социальная структура и положение аратства в конце XIX – начале XX века.....	24
Глава II. Политическое положение Монголии на рубеже XIX – XX веков	33
II. I. Место и роль ламаизма в монгольском обществе	33
II. II. Политика иностранных держав в Монголии в конце XIX – начале XX века.....	35
Глава III. Образование автономного феодально-теократического государства в результате освободительной борьбы 1911-1912 гг.	39
III. I. Предпосылки национально-освободительного движения 1911-1912 гг.....	39
III. II. Свержение Цинского господства и образование феодально-теократического государства	44
III. III. Общественный и государственный строй феодально-теократической монархии	64
Заключение	76
Список использованной литературы и источников	83

Введение

Актуальность темы исследования. С момента своего образования древнейшее государство Центральной Азии Монголия прошло восьмивековую путь развития. На протяжении столетий правители, начиная с Чингисхана, осуществляли активную внешнюю политику по присоединению соседних территорий. Однако, пережив мощный подъем и закрепив за собой статус империи, Монголия в середине XVII в. лишилась независимого положения, попав под влияние более мощной на тот период китайской империи Цин. Собственно с этого момента монгольский народ вступил в борьбу за автономный статус своего государства, пик которой пришелся на первую половину XX в. Интерес к проблеме независимости неслучаен. Сегодня Монгольская Республика - признанное во всем мире суверенное государство, активный участник международной политики, член ООН.

Для России в силу территориального расположения постоянным внешнеполитическим объектом в Азии была Монголия. Сегодня взаимный интерес государств друг к другу усиливается. Связано это с необходимостью развивать отношения международного сотрудничества на новом уровне — партнерства и равенства, отличном от условий общего социалистического прошлого.

С другой стороны, вопрос о независимости Монголии на протяжении первой половины XX в. влиял на формирование российско-китайских отношений. Сегодня вопрос отношений двух держав не теряет своей актуальности. В настоящее время Китай переживает мощное перерождение из сугубо региональной державы, акцентирующей внимание на региональных международных проблемах, в глобальную сверхдержаву. Современные мировые тенденции не предполагают ухудшения в российско-китайских отношениях, но при возникновении прецедента монгольский вопрос способен прозвучать вновь.

Географическая зажатость Монгольского государства между Россией и Китаем исторически обусловили участие последних в формировании монгольского суверенитета. Но Россия и Китай - не единственные основные участники сложных международных отношений, сложившихся вокруг Монголии в первой половине XX в. В качестве основного участника мы также укажем Японию. Следует уточнить, что на Монголию в изучаемый период влияли также ведущие европейские государства и Соединенные Штаты Америки. Но их интерес был ограничен чисто экономическими потребностями. Китайские купцы, находящиеся в Монголии, работали с европейскими и американскими капиталами. Что касается политического интереса, он не присутствовал: географическая удаленность и занятость в решении европейских проблем в ходе Первой и Второй мировых войн, не позволяли им напрямую участвовать в решении монгольского вопроса. Таким образом, мы отметим, основными субъектами международной политики на территории Монголии, имеющих прямое отношение к решению вопроса о монгольском суверенитете, являлись Китай, Россия, Япония. Для данного исследования ведущей стала идея того, что вопрос о независимом статусе Монгольского государства стал основной частью международной политики в регионе в указанный период и неизменно от нее зависел.

Отсюда проистекает и **актуальность темы исследования**. На современном этапе развития монголоведения назрела потребность обозначить и изучить всю сложность процесса становления монгольской независимости на фоне социально-экономического и политического положения Монголии на рубеже XIX - XX веков.

Степень изученности темы исследования. Проблема независимости Монголии не раз становилась предметом изучения в отечественной историографии. Можно выделить следующие ее этапы: 1) дореволюционный (конец XIX - начало XX вв.); 2) советский (1920 - 80-е гг. XX в.); 3) современный/постсоветский (90-е гг. XX - начало XXI в.)

В работах дореволюционного периода доминируют географический и культурно-этнографический подходы в реконструкции истории Монголии. Сюда относим труды великих путешественников, исследователей Монголии и Центральной Азии в целом: Кудинова¹ И.Ф., Клеменца Д.А.², Певцова М.В.³, Позднеева А. М.⁴, Имшенецкого Б.И.⁵, Михеева В.С.⁶. Среди них особое место занимает имя Бурдукова А.В.⁷ Этот человек много лет прожил в Монголии, отлично знал монгольский язык. А.В. Бурдуков регулярно посылал в российские газеты «Алтай» и «Сибирская жизнь» сведения о ходе революции 1911 г.

Также результатом путешествий по Монголии, стало издание И.М. Майским книги «Современная Монголия»⁸. Данная работа показывает нам предреволюционный период жизни монгольского народа, который переживал последние годы автономии. В целом стоит отметить большое значение дореволюционного этапа историографии по интересующей нас теме - опираясь на личные наблюдения, авторы представили богатый фактический материал, который послужил базой для дальнейшего изучения становления суверенной Монголии.

Следующая веха (в рамках второго этапа) отечественной историографии занимает достаточно большой промежуток времени - послевоенный период - конец 80-х годов. В этот период выходят фундаментальные труды по истории

1 Кудинов И. Ф. В чужих краях. Путешествие по Монголии и Китаю. – М.: Тип. Лит. Т-ва М. Г. Кувшинова, 1887. – 557 с.

2 Клеменц Д. А. Архивный дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году. – СПб., 1895. – 76 с.

3 Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и современным провинциям Внутреннего Китая. – Омск, 1883. – 354 с.

4 Позднеев А. М. Монголия и монголы. – СПб., 1896.

5 Имшенецкий Б. И. Монголия. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1915. – 40 с.

6 Михеев В. С. Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию и Урянхайскую землю. – СПб.: Военная Типография, 1910. – 176 с.

7 Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии: Воспоминания и письма. – М.: Наука, 1969. – 419 с.

8 Майский И. М. Монголия накануне революции. – М.: Изд-во вост. Лит., 1959. – 310 с.

Монгольской Народной Республики. Приоритетными для рассмотрения становятся вопросы, касающиеся развития в Монголии социализма рассматриваемого учеными в качестве гаранта государственного суверенитета. Данная тематика широко представлена в трудах, Гольмана М.И.⁹, Осипова А.А.¹⁰, Баврина Е.П.¹¹, Златкина И.Я.¹², Овдиенко И.Х.¹³. Конечно, все эти работы не лишены яркой идеологической окраски.

Подобные оценки наложили значительный отпечаток на все научные исследования данного этапа. Тем не менее, широкий спектр поднимаемых авторами вопросов, большой изучаемый период, а также обширный архивный материал, с которым работали авторы, определяет для нас большую ценность всех исследований указанного периода по проблеме независимости Монголии.

Третий этап историографии по теме исследований - работы современных учёных. Хронологически данный период включает труды 1990-х - 2000-х годов. Опора на тематику современных исследований позволила выделить отдельные направления в современной историографии проблемы монгольской независимости. Первое - труды, нацеленные на изучение внутренней политики Монголии, приведшей государство к независимому статусу. Здесь отмечаем Чимитдоржиева Ш.Б.¹⁴ Труды второго исследовательского направления делают акцент на международных отношениях Монголии с соседними государствами. Сюда относим Лузянина С.Г.¹⁵, Базарова Б.В.¹⁶, иркутского ученого Кузьмина

9 Гольман М. И. История советско-монгольских отношений / М. И. Гольман. – М., 1981. – 127 с.

10 Осипов А. А. Внешняя политика Монгольской Народной Республики. – М.: ИМО, 1963. – 103 с.

11 Баврин Е. П. Монгольская Народная Республика: уверенная поступь. – М.: Знание, 1980. – 64 с.

12 Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. – М.: Изд. Вост. Лит., 1957. – 299 с.

13 Овдиенко И. Х. Современная Монголия. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1964. – 220 с.

14 Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII – XVIII вв. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. – 216 с.; Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987. – 239 с.

15 Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX века: Политические взаимоотношения в 1911-1940 гг. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 268 с.

16 Базаров Б. В. Внутренняя Монголия КНР и Монголия: Взаимодействия в условиях мировой глобализации. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2002. – с. 6-14.

Ю.В¹⁷. Делая анализ современного периода отечественной историографии, мы отметили ряд отличительных моментов в подходах современных авторов. Во-первых, отсутствие идеологического давления дало ученым возможность более объективно взглянуть на события монгольской истории. Во-вторых, получив возможность работать с ранее закрытыми архивными материалами, современные авторы в своих исследованиях представляют новый фактический материал, который, в свою очередь, значительно дополняет общую картину формирования суверенной Монголии. Данные тенденции прослеживаются также в современной монгольской и западноевропейской историографии.

Монгольская историография по теме исследования представляла достаточно широко - это труды, публикуемые непосредственно на монгольском языке, переведенные книги и работы, которые монгольские авторы писали на русском языке. Среди монгольских ученых XX века, особое место занимает Ширендыб Б¹⁸. В своих трудах он поднимает вопросы политической, общественной, экономической истории Монголии в XIX - первой половине XX вв., указывая на формирование независимого монгольского государства.

Также Монголия неоднократно становилась предметом рассмотрения западноевропейской историографии. Здесь мы выделяем две группы научных трудов. К первой относятся общие работы по истории Монголии, Среди ее авторов Олсен Т.¹⁹, Рупен Р.²⁰ Вторая группа - это предметные труды, поднимающие отдельные вопросы монгольской истории. Здесь выделяем таких ученых, как Латтимор О.²¹, Питер С.²²

17 Кузмин. Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – XX в.) – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1997. – 232 с.

18 Ширендыб. Б. Монголия на рубеже XIX – XX веков (история социально-экономического развития) – Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. – 518 с.

19 Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia., 2001.

20 Rupen R. The Mongolian People's Republic. – Stanford. Cal. Univ. Press, 1966. - 218 с.

21 Lattimor O. Nationalism and Revolution in Mongolia. – Leiden, 1995.

22 Peter S. H. Tang Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931. – Durban, 1959. – 312 p.

Историографический анализ показал немалую степень изученности проблемы монгольской независимости на протяжении XX в. На разных этапах ученые демонстрировали различные подходы к изучению. Общая тенденция данных подходов такова, что до 90-х годов шло изучение, главным образом, внутривнутриполитической истории Монголии в отношении формирования ее независимости. Современную историографию отличают более полные исследования, касающиеся также взаимодействия Монголии с остальным миром.

Такая постановка вопроса указывает **на цель научного поиска** — изучение процесса формирования автономного феодально-теократического Монгольского государства с выявлением не только внутренних, но и внешнеполитических факторов, сопутствующих его разрешению. Цель исследования способна реализоваться через решение следующих основных **задач**:

- рассмотреть социально-экономическое и политическое положение Монголии на рубеже XIX – XX веков.
- определить условия, приведшие к формированию проблемы независимости, что предполагает изучение политики иностранных держав.
- обозначить ключевые моменты национально-освободительного движения в 1911 – 1912 гг., приведшие к распаду Цинской империи и появлению автономного феодально-теократического государства.

Объектом исследования является Монголия на рубеже XIX- XX веков.

Предметом изучения является процесс становления автономного феодально-теократического государства в условиях сложном социально-экономическом и политическом положении Монголии на рубеже XIX-XX веков.

Границы исследования определяются соответствующими **хронологическими рамками** (конец XIX века) рассматривается социально-

экономическое, политическое положение Монголии под влиянием Цинской империи; (первая половина XX в.) определяется событиями 1911 года - Синьхайской революцией, приведшей к распаду Цинской империи и появление автономного феодально-теократического государства.

Территориальные рамки исследования определяются границами Внешней Монголии (Халхи) до 1911 г. входившей в состав Цинской империи.

Источниковая база. Использованные в исследовании источники разделены на следующие группы:

Во-первых, это опубликованные документальные и архивные материалы, касающиеся внутренней и международной истории Монголии на разных этапах. Сюда относим различного рода сборники договоров и соглашений, законодательные акты Монгольского государства, программные документы.

Из наиболее значимых для нашей работы стоит назвать «Сборник договоров России с другими государствами. 1856 - 1917 гг.»²³ Содержание сборника охватывает последний период внешней политики царизма. Отдельный раздел посвящен признанию автономии Внешней Монголии. В нем представлены следующие документы: Соглашение России с Монголией от 3 ноября 1912 г.²⁴, Декларация России и Китая о признании автономии Внешней Монголии от 5 ноября 1913 г.²⁵. Анализ данных документов позволил нам оценивать как внутривосточную ситуацию, сложившуюся в Монголии после национально-освободительного движения 1911-1912 гг., так и роль России и Китая в процессе движения ее к независимости.

Хронологическим продолжением вышеназванных договоров является Кяхтинское соглашение, подписанное между Россией, Монголией и Китаем 25

23 Сборник договоров России с другими государствами. 1856 - 1917. - М.: Госуд. Изд-во политической литературы, 1952. - 463 с.

24 Там же, Стр. 410-417.

25 Там же, Стр. 418-420.

мая 1915 г. Данное Тройное соглашение представлено в одноименной книге.²⁶ Изложен документ на трех языках: русском, английском и старомонгольском.

Большой интерес представил «Журнал Особого Междуведомственного совещания, бывшего в Петербурге под председательством Иркутского генерал-губернатора, егерь-мейстера Л.М. Князева по русско-монгольским делам»²⁷. Данное совещание проводилось в связи с заключением между Россией и Монголией соглашения 1912 года.

Примечательно, что некоторые документы представлены в газетах. Так, свое место в исследовании заняли Новая Конституция Китайской Республики²⁸, где отражен статус ранее входивших в состав Маньчжурской империи территорий, в том числе Монголии, а также русско-монгольское соглашение 1912 г.²⁹

Вторая группа источников представлена воспоминаниями общественных деятелей, участников событий, историков, каким-либо образом касающихся процесса становления монгольской независимости, таких как Витте С.Ю.³⁰, Цеденбал³¹, Бурдуков А.В.³² Большой интерес для нас представила вышедшая в 2004 г. книга «От Чингисхана до советской республики». Автором рукописи является известный российский дипломат в Азии конца XIX - начала XX веков Иван Яковлевич Коростовец.³³ Эта книга впервые была издана в 1926 г. на

26 Тройное соглашение об автономии Внешней Монголии. – Урга: Русско-монг. Тип., 1915 . – 28 с.

27 Журнал Особого междуведомственного совещания, бывшего в Петербурге под председательством Иркутского генерал-губернатора, егерь-мейстера Л. М. Князева по русско-монгольским делам. – Иркутск: Изд-во «Коковин и К», 1913. – 39 с.

28 См. Вестник Азии. – Харбин. – 1923. - №51. – с. 179-200.

29 См. Вестник Европы. – 1912. - №11. – с. 400-411.

30 Витте С. Ю. Избранные воспоминания (1849-1911). – М., Мысль, 1991. – 718 с.

31 Из воспоминаний Юмжагийн Ценденбала // Восток. – 1994. - №5. – с. 165-178.

32 Бурдуков А. В. Старой и новой Монголии: воспоминания и письма. – М.: Наука, 1969. – 419 с.

33 Коростовец И. Я. От Чингисхана до советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). – Улан-Батор: ЭМГЭНТ, 2004.

немецком языке в Берлине и Лейпциге, в 1930 г. - в Японии, и уже в начале XXI в. в Монголии. В своей работе И.Я. Коростовец, описывая современные ему события, анализирует Монгольскую революцию 1911 г.

В третью группу вошли материалы средств массовой информации, которые силами журналистов и обозревателей широко отразили события в Монголии на протяжении пути к суверенитету. Среди данных источников стоит выделять современные газеты, анализирующие современную Монголию в сравнении с событиями вековой давности («Известия», «Монголия сегодня», «Независимая газета») и издания непосредственно первой половины XX в., обзорающие процессы развития монгольского государства - «Дальневосточное обозрение», «Дальний Восток», «Звезда», «Известия», «Правда», «Право», «Приамурские ведомости», «Приамурье», «Торгово-промышленная газета», «Харбинский вестник».

Теоретическая и методологическая основа исследования была построена на сочетании традиционно используемого в научных исследованиях формационного подхода с цивилизационным. Именно цивилизационная теория, зародившись в начале XX в., стала основной в изучении проблем восточных государств.

Из основных конкретно-исторических методов в работе были применены принципы историзма (он же историко-генетический метод), многомерности и объективности исторического процесса. Принцип историзма «заключается в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения»³⁴, что позволило выявить причины, содержание и последствия процесса формирования суверенитета Монголии. С точки зрения принципа многомерности и объективности исторического процесса, были обозначены и изучены факторы, свидетельствующие о том, что развитие суверенного статуса Монголии во

34 Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 2003. - с. 93

многим зависело от международной обстановки в регионе, от прямых или косвенных интересов Китая, России и Японии. Также отмечаем использование в работе проблемно-хронологического, историко-сравнительного, историко-системного методов, общенаучных методов структурного анализа, обобщения, используемых, в том числе для анализа источников и литературы.

Новизна. Научная новизна в представленной исследовательской работе выражается в следующем:

- социально-экономическая, политическая зависимость Монголии от других государств.
- длительный процесс борьбы Монголии за приобретение суверенного статуса показан в неразрывной связи со сложной международной обстановкой в регионе, обозначена значительная роль международного фактора в данном процессе;
- изучение проблемы позволило по-новому взглянуть на позиции и интересы государств Китая, России и Японии в вопросе развития монгольской независимости;
- представлено видение монгольскими политическими лидерами путей достижения независимости страны и последующего международного признания;

Практическая значимость. Материал исследовательской работы может быть показан кругу читателей и быть полезен всем, кому интересна история Монголии в конце XIX - первой половине XX вв. Во-вторых, работа может быть использована в разработке семинарских занятий по истории стран Азии, Отечественной истории, истории международных отношений, а также узких спецкурсов, касающихся региональной политики Монголии, России, Китая, Японии, либо спецкурсов по монголоведению. В третьих, полученные

результаты могут пригодиться в написании научно-исследовательских работ, посвященных истории Монголии на рубеже XIX – XX веков.

Структура исследования. Дипломная работа состоит из введения, трех глав (семи параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава I. Социально-экономическое положение Монголии в последнюю четверть XIX и в начале XX века

I.1. Административное устройство и экономическое положение Монголии

К рассматриваемому нами периоду Монголия представляла собой пограничную область на севере Циньской империи, управляемую маньчжурским императорским правительством через довольно гибкую систему подчинения монгольских князей маньчжурскому императору и управление через них Монголией. В основу этой системы маньчжурскими императорами были положены принципы военизированной структуры администрации в целях быстрой мобилизации в военное время конной армии, а также для прикрепления монгольских аратов-крестьян к земле в форме уделов (хошунов) 150 главе с наследственным правителем - «засагом».

Методами подчинения Монголии маньчжурской династии были управление Монголией через хошунных князей и широкое распространение буддийской религии как идеологии покорности подчиненных власти маньчжурского императора.

Монгольские феодалы были поставлены в зависимое положение от своего сюзерена - маньчжурского императора. Являясь верховным повелителем Монголии, маньчжурский император решал все наиболее важные дела, касающиеся Монголии, а также вопросы о награждении монгольских князей, присвоении им титулов и званий, назначении на ту или иную должность, установлении границ хошунов, утверждении законоположений, смертных приговоров, помилования и т.д.

Функции по исполнению указов императора и распоряжений императорского правительства выполняла так называемая «Китайская палата внешних сношений» в Пекине. Непосредственный контроль над Монголией осуществлялся через маньчжурских губернаторов (амбаней), находившихся в городах Улясутай, Кобдо и Урга. У губернаторов были монгольские заместители по военным и гражданским делам, Улясутайский цзянь-цзюнь (главнокомандующий монгольскими войсками) подчинял себе всех командующих аймачными войсками и осуществлял надзор за гражданскими властями в стране.

Монголия (Халхи) делилась на четыре больших аймака: Тушээтханский, Цэцэнханский, Засагтханский и Сайнноёнханский. Маньчжурские императоры учредили в этих аймаках сеймы, и с этого времени аймаки стали называться сеймами. Это новшество свело на нет прежнее значение, потомственных ханов, ведущих свою родословную от Чингисхана, что отвечало целям раздробления страны на множество княжеских уделов. Аймачный сейм избирал председателя сейма («чулган-дарга»), который выполнял указания амбаней и Китайской палаты внешних сношений и осуществлял связь между ними и хошунными правителями аймаков. Помощником чулган-дарга был туслагч - цзянь-цзюнь по военным делам, который командовал хошунными войсками.

Высшие должностные лица аймаков назначались из числа монгольских феодалов и утверждались маньчжурским правительством.

Аймаки делились на хошуны, во главе которых стояли засаги (правители). У засагов были: туслагчи (помощники по общим вопросам), захирагчи (управляющие военными делами) и мэрэн (управляющие финансовыми делами)³⁵.

Правители хошунов являлись наследственными должностными лицами, играли главную роль в деле мобилизации населения, осуществления своеобразного прикрепления крестьян к земле, т. е. территории княжества административного управления, контролирования проведения общегосударственных повинностей.

Со времени установления власти маньчжурского императора над Монголией число хошунов систематически увеличивалось: с 7 до 34 к концу XVII века и до 111 к началу XIX века.³⁶

Хошуны делились на сомоны во главе с начальником (занги), а сомоны в свою очередь делились на десять дворов во главе со старшиной (дарга). Эти низовые административные единицы отвечали целям военной структуры, прикрепления крестьян к определенной территории, т. е. к земле и сбора податей с населения. Сомон, например, обязан был в военное время выставить 150 воинов. Подданные, т.е. крепостные богдо-гэгэна, составляли особое ведомство - шабинское ведомство.

Численность населения 6-ти уделов Сайнноёнханского аймака, приведенная в известной брошюре Беннингсена³⁷, служила основанием говорить о численности населения Внешней Монголии. Обобщая полученные данные, граф Беннингсен писал: «В Халхе, если считать по 5 человек в семье, должно быть населения около 500 тысяч». Хотя такой метод подсчета является

35 История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб, Л. И. Думан; гл. ред. А. П. Окладников. - Москва: Наука, 1983. - 661 с.

36 История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб, Л. И. Думан; гл. ред. А. П. Окладников. - Москва: Наука, 1983. - 661 с.

37 Граф. А. П. Беннингсен. Несколько данных о современной Монголии. СПб, 1912, стр. 5.

весьма условным, все же эти данные можно считать близкими к действительности, так как через 6 лет академиком И. М. Майским на основе учета была установлена общая численность населения Халхи (без Кобдоского округа, территории богдо-гэгэна в Прихубсугулье и иностранцев, проживавших в то время в Монголии) в 476504 человек.³⁸

Основным занятием и единственным источником получения средств к существованию населения Внешней Монголии в конце XIX и начале XX века по-прежнему оставалось животноводство с кочевым способом его ведения и крайне низкой продуктивностью. Животноводство базировалось на феодальной земельной собственности. «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли с устранением всех других»³⁹. Полная собственность феодала на землю и на скот, неполная - на крепостных аратов являлась основой производственных отношений монгольского феодального общества.

Если в XIII—XVII веках земля являлась собственностью монгольских феодалов, то с установлением господства маньчжурских императоров она стала считаться императорской. Маньчжурский император стал юридически верховным собственником (сюзереном) монгольской земли, считая Монголию своим особым владением.

Маньчжурский закон запрещал монгольским феодалам и китайским земледельцам самовольно пользоваться землей в Монголии. В законе говорилось: «§ 167. Если кто из монголов самовольно отдаст китайцам под пашню за договоренную цену места, назначенные единственно для пастбищ, то начальствующего князя и его помощника предать строжайшему суду, а виновного, буде то сделает тайджи, лишить чина и достоинства; буде же

38 И. М. Майский. Монголия накануне революции. М., 1959.

39 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, М., 1933, стр. 312.

чиновник или ратник или же простой монгол, сажать на два месяца в шейную колодку, а потом дать сто ударов плетью. Тех же китайцев, которые точно знали, что те пастбища запрещено распахивать, но увлекшись страстью к прибыткам, осмелились обольстить и подкупить монголов, продержать два месяца в шейных колодках; отослать их на место их родины с предписанием местному начальству, чтобы имело их под строгим надзором».⁴⁰

Маньчжурская администрация в Монголии была приспособлена к условиям кочевого хозяйства и целям подчинения страны. Хошунские правители, являясь вассалами маньчжурского императора, были фактическими собственниками на территории своего наследственного владения. Хошун был гибкой формой прикрепления крестьян к земле (к пастбищу). На такое своеобразие земельной собственности в Цинской империи в свое время обратили внимание классики марксизма-ленинизма. «Подобно тому, как император обычно почитался отцом всего Китая, его чиновники считались опорой его отеческих отношений к отдельным округам. Но эта патриархальная власть, единственная моральная связь между различными частями обширной государственной машины...»⁴¹

Право владетельного князя как фактического собственника удельной (хошунной) земли выражалось, прежде всего, во взимании с аратов ренты. В числе повинностей, выполнявшихся аратами двадцати хошунов Тушээтханского аймака в 1896 г., указывалось на выделение определенного количества солдат, чиновников и хозяйств, специально для охраны границ каждого из этих хошунов. Эти факты лишним раз свидетельствуют о прикреплении подданных хошуна к земле, т.е. к территории указанного владения, и о правах удельного князя в пределах своего наследственного владения. Фактическая сторона права удельного князя, как собственника хошунной земли, выражалась в том, что лучшие угодья использовались, прежде всего, хозяйством самого князя, его

40 Уложение Китайской палаты внешних сношений, гл. 9. Отделение 1.СПб, 1828, стр. 105-106.

41 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, М., 1933, стр. 312.

родственников, владельческим хутухтой и его родственниками и тайджи (дворянами). Тайджи составляли в отдельных хошунах особо привилегированный баг. Так было, например, в хошуне Далай Чойн Хора. Земля была нужна феодалу вместе с людьми, последние являлись военной силой своих господ, а хозяйства этих крестьян являлись источником дохода. Остальная часть земли предоставлялась в индивидуальное пользование аратам без надела, что соответствовало условиям кочевого скотоводческого хозяйства. За индивидуальное пользование землей без надела пастбищами на территории хошуна с аратства взимались прибавочные, а иногда и необходимые продукты в виде повинностей. Это являлось выражением своеобразной феодальной земельной ренты. Такая особенность совершенно естественна, ибо скот не мог существовать без пастбищ, а сам владельческий князь и многочисленный аппарат феодального государства не могли жить в полном довольстве без подданных, имеющих скот⁴².

В рассматриваемый нами период улучшалось регулирование пастбищ внутри хошунов - в Хангайской и средней зоне страны; в сомонах и багах более четко выделялись зимние пастбища. Конкретной формой пользования пастбищами являлись хотоны (группа хозяйств) и айлы (одно хозяйство). Хотон в то время представлял собою группу хозяйств по разным признакам: группа родственных хозяйств, группа равных по состоянию, группа богатых и бедных хозяйств. Айлы означали в основном одно хозяйство феодала или богатого арата. В хошунах Цэцэн Чин вана и Далай Чойнхор вана, частично засага Бирва бэйсэ и далай гуна Сайнноёнханского аймака устанавливались знаки между пастбищными угодьями не только сомонов, но и хозяйств. За переход на чужие пастбища виновные подвергались избиению. В этих хошунах имела место временная сдача того или иного пастбищного угодья жителям другого хошуна в аренду. Причем зимники носили более или менее устойчивый характер, как

42 Ширендыб. Б. Монголия на рубеже XIX - XX веков (история социально-экономического развития) - Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. - с. 19

определенный участок, ориентировочно закрепленный за отдельными хозяйствами⁴³.

Такой порядок в средней степной полосе страны встречался редко, а в гобийской части его почти не было. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что хангайская зона и в то время имела сравнительно густое население, хотя и небольшие, посевные площади и др.

В связи с колонизацией монгольской земли китайскими переселенцами и проникновением иностранного капитала, монгольские князья сдавали землю в аренду. Так, в хошуне Цэ засага сдавали луга в аренду частным китайским земледельцам, а деньги за аренду шли в пользу аппарата правителя хошуна.⁴⁴

Такое явление наблюдалось в ряде хошунов северной и западной Монголии. Занги Манибадар и другие лица из хошуна засага Намсрая Тушээтханского аймака в 1897 году сдавали землю в аренду русскому земледельцу Ивану Никифоровичу Карнакову. За отдельные сенокосные участки Карнаков платил по 150 целковых ежегодно. Стали распространенными случаи сдачи земельных участков иностранцам под постройку. В Урге очень часто арендную плату делили между собой шабинское ведомство богдо-гэгэна и Бюро по делам китайской колонии. Позднеев отмечает, что арендная плата была очень низкая, например, «... пространство в 20 квадратных луков сдается за 10 кирпичных чаев»⁴⁵.

Под влиянием китайского земледелия и пограничных русских поселков начало развиваться монгольское земледелие, которое возникло в давнюю пору, еще во времена тюрков. В описываемый нами период в разных районах Монголии в связи с усиливающимся процессом разорения аратства развивались небольшие монгольские земледельческие участки. Так было в Сайнноенханском

43 Там же.

44 А. М. Позднеев. Монголия и монголы, стр. 57-58.

45 См. А. М. Позднеев. Монголия и монголы.

аймаке в местности Олон голын бильчир, в юго-западной части Баинхонгорского аймака в местности Зармын Гоби, Гоби-Алтае и некоторых районах северо-запада и северо-востока Монголии. В 1882 г. посевная площадь в хошуне вана Маюбачара под ячмень равнялась 3130 нум⁴⁶ (длиной) и 3780 нум (шириной), т. е. 1. 183 - 140 кв. нум или луков. В том же году в хошуне гуна Жамсранжав посевная площадь равнялась 18 газар⁴⁷. А. М. Позднеев, посетивший Монголию в 1882 году, обнаружил монгольские посева в районах монастыря Аморбайсгаланту, в районах нижнего течения реки Байдирига, в районе Улясутая и др. Монголы заготавливали сено в северных караулах, а в Бургалтае они продавали сноп сена за 15 копеек, или за малый кирпич чая⁴⁸.

Значительно расширились посевные площади лично самого богдо-гэгэна: специальный богдо-гэгэновский оток-тариачин омон - занимался земледелием в районе Орхона на правом берегу реки Евэн-гол, и 40 семей богдо-гэгэновских шабинаров занимались земледелием в районе Еро и Хара⁴⁹. На обработку богдо-гэгэновской и лично княжеской пашни посылали людей из хошунов отбывать повинность. Сдача урожая исчислялась в сам-десять, т. е. 1 кг семян давал 10 кг урожая.

Признавая земельную собственность феодала основой производственных отношений монгольского общества описываемого нами периода, нельзя упускать из виду неразрывную связь скотоводства с землей - пастбищами. Эта связь настолько сложна, что на первый взгляд кажется, что скот, а не, земля, является основой производственных отношений. На самом же деле скот пасся на земле, от кормовых растений которой зависела получаемая от скота продукция мясо, молоко, шерсть и др. Следовательно, скот без пастбищной земли равносителен семенам без почвы.

46 Единица измерения земли - длина лука.

47 Ширендуб. Б. Монголия на рубеже XIX - XX веков (история социально-экономического развития) - Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. - с. 26

48 А. М. Позднеев. Монголия и монголы, стр. 28, 37, 38.

49 А. М. Позднеев. Монголия и монголы, стр. 28, 37, 38.

Арат, лишенный основных средств - земли, имел собственность на скот, которая базировалась на пастбищных угодьях владетельного князя или хутухты. В стране разводились овцы, козы, рогатый скот, лошади и верблюды. Немногочисленный класс светских и духовных феодалов являлся собственником основного средства производства - земли и огромного количества скота.

В хошуне Илдэн вана Цэцэнханского аймака в 1890 году в хозяйствах светских и духовных феодалов приходилось по 230,8 голов скота, в хозяйствах хамжлага 3,3, а в хозяйствах албата—3,6 голов скота на одну душу населения в среднем⁵⁰.

Монастыри, которых в то время было несколько сотен, также являлись крупными скотовладельцами. Монастыри держали в районе Урги более выгодные виды скота - овец на мясо и дойных коров.

Охота была дополнительным занятием для бедных аратов и основным средством существования для бесскотных. Главными видами охотничьего промысла были сурки и лисицы - почти во всех районах страны, белки и панты - в северных районах. Иностранские торговые фирмы покупали бобра, лису, выдру, белку и др. виды пушнины, т. к. это было выгодно для транспортировки на международный рынок, где они высоко ценились. Таким образом, охотничий промысел стал играть заметную роль в зачатке товарных отношений.

Ремесло в Монголии носило домашний характер и не было отделено от сельского хозяйства. Ремеслом в основном занимались бедные араты и ламы — одиночки-мастера, по изготовлению деревянных изделий, ювелиры и кузнецы. Основными продуктами ремесленного производства были: части деревянного каркаса для юрт, мебель (разукрашенные деревянные сундуки разных величин, деревянные кровати, буфеты, телеги, седла, ножи, огниво, уздечки и большое количество серебряных изделий). Эти предметы делались по заказу богачей, по

50 Там же.

повелению князей и по договоренности с соседями. Иногда родственники или соседи, объединяясь по 2 - 4 человека, изготавливали значительное количество изделий для реализации их в соседних хошунах и других аймаках. Так, например, сундуки, серебряные и железные изделия, изготовленные в хошуне Далай-Чойнхор вана Сайннвоенханского аймака, реализовались в хошунах Жалбу засага и Далай гуна. Эти предметы славились во всей Монголии.

А. М. Позднеев во время своей поездки по Тушээтханскому аймаку в 1892 году заметил в районе реки Хары довольно интенсивное производство монгольских ремесленников, которые «...доставляли себе пропитание, исключительно выделывая оси и колеса русского образца, необходимые возчикам»⁵¹. Феодалный способ производства задерживал развитие ремесла.

Но, с другой стороны, создание значительного количества различных частно-китайских кустарных предприятий в крупных центрах не всегда положительно сказывалось на росте монгольского ремесла. Позднеев в том же 1892 г. видел в Урге свыше 40 китайских столярных мастерских, около 20 мастерских по изготовлению медных изделий, ряд швейных мастерских и др.⁵².

Китайские купцы, искусно учтя спрос монгольского населения на китайские товары, завозили чисто монгольские вещи, изготовленные в северных городах Китая, как ножи и огниво, удила к уздечкам, войлок и др. Это также отрицательно влияло на развитие местного ремесла в стране.

Таким образом, экономика Монголии в основном оставалась натуральной и полунатуральной. В стране было мало городов, а Урга, Улясутай и Кобдо представляли собой непромышленные центры. Урга была религиозным центром, а также административным и торговым. Кобдо и Улясутай, возникшие как военные крепости, становились также торговыми центрами. Монгольская Кяхта или Кяхтинский маймачен был в полном смысле торговым центром,

51 А. М. Позднеев. Монголия и монголы, стр. 57-59.

52 Там же, стр. 105-106.

через который шла активная торговля между русскими, монгольскими и китайскими купцами. Ввиду раздробленности страны на множество княжеств, их замкнутости и обособленности, не развивался национальный рынок. В этих условиях монгольские хозяйства, особенно в отдаленных от торговых центров местах, обеспечивали себя изделиями своего производства. Они делали шубы из овчины, шапки, войлок для покрытия юрт, войлочные коврики, выделывали кожу и шкуры, изготавливали кожаные ремни. Почти все аратские хозяйства обеспечивали себя обувью собственного производства (гутул). Домашние изделия, выполненные крепостными, частично обеспечивали и феодальные хозяйства.

В пределах хошунов между аратскими хозяйствами шла меновая торговля с различными эквивалентами, например, баран, лошадь, шкура и, наконец, чай и серебро. Конечно, Монголия с давних времен знала обмен скотоводческих продуктов на сельскохозяйственные продукты и изделия мануфактуры соседними странами Китаем и Россией. Но с проникновением иностранного капитала в Монголию, со второй половины XIX века, монгольское население постепенно втягивалось в капиталистический рынок и, несмотря на феодальные ограничения, все больше и больше сбывало продукцию скотоводства - мясо, шерсть, топленое масло, шкуры и прочее за фабричные изделия. Китайское купечество, русские и европейские торговые предприниматели быстро сблизилась с рынком дешевого монгольской сырьем.

Экономика Монголии, несмотря на известное влияние на нее империализма и на появление зачатков товарно-денежных отношений, оставалась в своей основе натуральной. Здесь ремесло не отделялось от сельского хозяйства, сохраняя свой домашний характер. Отсутствие национальной промышленности и ввоз в страну иностранными капиталистами, главным образом, не капиталов, а товаров, — не способствовали использованию дешевой рабочей силы, освобождавшейся от сельского хозяйства в связи с разорением аратов. Таким образом, рабочая сила не стала

товаром и вообще товар не стал в стране всеохватывающим и господствующим в экономической жизни.

I. II. Социальная структура и положение аратства в конце XIX – начале XX века

Монгольское общество делилось на два основных класса эксплуататорский класс феодалов и эксплуатируемый класс аратства (крестьяне). К классу феодалов относились князья и дворяне всех степеней и духовные феодалы.

До установления маньчжурского господства аратство представляло собой албату (податное население). Албата являлись, как это правильно отмечает и ряд авторов, крепостными. В описываемый здесь период аратство делилось на три части: албата (податное население) - подавляющее большинство населения страны, хамжлага (от слова «поддержка») - крепостные крестьяне светских феодалов и шабинары (шаби - ученик) - крепостные духовных феодалов⁵³.

Албата - крестьяне, не приписанные лично к какому-либо феодалу, а обязанные выполнять все основные виды повинностей и податей на нужды феодального государства и хошунного управления. Хамжлага и шабинары были обязаны обеспечивать своих господ продуктами своего хозяйства, обслуживать личным трудом и предоставлять нужное количество денег. За это они были

53 История стран Азии и Африки в новое время. Ч. 2: Учебник. - М.: Изд-во МГУ, 1991. - с. 199

освобождены от общегосударственной повинности: военной, уртонной и караульной⁵⁴.

Огромное количество ламства составляло особое сословие. Оно в свою очередь делилось на эксплуататорскую верхушку и эксплуатируемые низы. К эксплуататорской верхушке относились владетельные, невладетельные хутухты и всё высшие круги, имеющие важные должности и звания. Аристократический класс духовенства эксплуатировал «своих подданных также беспощадно, как дворянство и князья». К эксплуатируемым низам духовенства относились слуги высших лам - дети бедных и средних аратов.

Единоличная собственность арата на свое частное скотоводческое хозяйство была основана на личном труде. Феодалы и феодальное государство взыскивали с аратов отработочную, продуктовую и денежную ренты. При этом преобладающей была продуктовая рента, что показывает преобладание натурального хозяйства в экономике страны⁵⁵.

1. Отработочная рента означала, что феодал непосредственно присваивал прибавочный труд арата, принуждая его работать в своем хозяйстве. Хамжлага и шаби выполняли самые различные виды домашней работы у своих господ: заготовка топлива, уход за скотом, стрижка шерсти, обделывание кож и шкур и изготовление войлока, приготовление пищи, пошивка одежды, устройство юрт, изготовление домашних предметов и т. д. Албата, хотя и ограниченно, но выполняли прибавочный труд для аппарата удельного князя и феодального государственного аппарата в целом (солдаты работали на казенной пашне и выполняли другие виды труда).

2. Рента продуктами, или натуральный оброк, означало, что арат отдавал феодалу прибавочный продукт натурой. Эту ренту выполняли не только хамжлага и шаби, но и албата. Хамжлага и шаби непосредственно обеспечивали

54 Там же.

55 Ширендыб. Б. Монголия на рубеже XIX – XX веков (история социально-экономического развития) – Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. – с. 31

нужды своих господ скотом на убой, молоком, молочными изделиями, войлоком, отдельными предметами домашнего обихода, кожами, шкурами, верховыми и транспортными лошадьми. Албата же выполняли всякую, уртонную и караульную службы со всеми связанными с ними натуральными повинностями.

3. Денежная рента уплачивалась аратами (крепостными) феодалу и арат-албата - феодальному государству в денежной форме после продажи продуктов своего хозяйства на рынке. Хамжлага и шаби уплачивали деньги по потребности своих господ, впадая в новые долги ростовщикам, богатым хозяйствам, а иногда и монастырям. Албата же уплачивали разные временные повинности государству деньгами, но самой главной для них была уплата долгов аппарата хошунного управления или хошунного князя.

Денежная рента, начавшаяся под влиянием китайских ростовщиков, усилилась в конце XIX века проникновением империалистических предпринимателей в страну. Несмотря на это, натуральный и полунатуральный характер ренты оставался господствующим, а, следовательно, и натуральный оброк был господствующим. В каждом из этих видов ренты в большей или меньшей мере, в зависимости от потребности феодалов, выражались другие виды ренты.

Таким образом, на плечах трудовых аратов сидели маньчжурские чиновники, монгольские феодалы, ламаистические монастыри, ростовщики, купцы, иностранные империалисты, а также нарождающиеся монгольские буржуазные элементы (спекулянты).

Маньчжурский закон, т. н. «Уложение китайской палаты внешних сношений», установил ежегодные нормы взимания повинностей с аратов - не больше одной головы рогатого скота с семьи, имеющей более пяти голов рогатого скота или 20 овец, а с имеющей 40 овец - по два барана⁵⁶.

⁵⁶ Уложение китайской палаты внешних сношений, СПб, 1828, т. 1, гл. XI, отдел 2, стр. 133.

Основными видами повинностей в пользу феодального государства юридически считались: воинская, уртонная и караульная (погранично-охранная), которые выполнялись аратами-албата. Согласно маньчжурским законам низшая административная единица - десяток хозяйств - должна была поставлять 10 воинов: сомон, объединяющий 5-6 десятков - 50-60 воинов; хошун, объединяющий 3-4 сомона—150-200 воинов и т. д. При этом население обязано было обеспечить этих воинов оружием, обмундированием, продовольствием, лошадьми и всеми необходимыми бытовыми предметами. Мобилизация воинов отрывала трудоспособных людей от производственной деятельности и, вызывая огромные расходы, разоряла аратское население.

Трудно говорить о каком-то определенном виде повинностей и их рамках, ибо один вид порождал много других видов, которые создавали, в свою очередь, все новые и новые повинности, разоряя аратские массы, хотя некоторые авторы насчитывают их до 20 видов.

Показатели сводного отчета о начислении основных видов государственных повинностей населения Сайнноенханского аймака на 1905 год дают нам интересные детали в хошунном разрезе⁵⁷.

1. Уртонная повинность - ее должны были отбывать в районах Кобдо, Улясутай и на юге страны более 300 хозяйств.

2. Караульная повинность - ее должны были отбывать 200 хозяйств.

3. Повинность в качестве рассыльных и дежурных в джасааке (канцелярии) улясутайского цзян-цзюня, в представительствах халхасских аймаков и в аймачном сейме, которую отбывал ряд аратов.

4. 60-70 чел. в каждый сезон должны были выезжать со своими палатками и лошадьми на казенные пастбища в Улясутай и другие места.

57 Ширендыб. Б. Монголия на рубеже XIX - XX веков (история социально-экономического развития) - Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. - с. 34

5. Работа пастухов-хуягов по уходу за казенными станами в Улясутае, Кобдо и др. районах.

6. Военная повинность, которую в том же году должен был отбывать каждый из 11 военнообязанных мужчин, т. е. 643 человека на 7073 военнообязанных.

7. Разновидность натуральной повинности на нужды аппарата маньчжурско-монгольских феодалов, которую должны были взимать в сумме 1149 лан.

8. Уплата 26 лан серебра на нужды 21 халхасских лам, служивших в Пекине в монастыре Юн хэ Гуань, и на содержание 51 халхасских лам, служивших в Долонурском монастыре.

9. Посылка людей в качестве писарей и дежурных в учреждения по управлению уртонами.

10. Расходы на отправку борцов, лучников на праздник (Налом), где должен был присутствовать улясутанский амбань.

Монастыри во всех хошунах собирали различные крупные и мелкие средства на всякие нужды под предлогом проведения богослужения по тому или иному поводу. Так, жас монастыря Шутээни аймак (аймак - в данном случае - землячество) в 1879 году собрал с населения 74.000 штук кирпичного чая, много скота, проса, риса, молока, войлока, ткани, кожсырья и пр. В 1885 г. на «устранение» постигших бедствий в хошуне гуна Доржпалама Цэцэнханского аймака за счёт пожертвованных населением средств были созданы три драгоценных статуи бога и проведены многочисленные молитвенные чтения «мани»⁵⁸.

58 Кудинов И. Ф. В чужих краях. Путешествие по Монголии и Китаю. - М.: Тип. Лит. Т-ва М. Г. Кувшинова, 1887. - с. 138

Всякий лама, совершавший обет Гэлюна, имел много учеников, которые выполняли у него обязанности повара, истопника, уборщика, терпя унижения и оскорбления. Родители же учеников преподносили учителям своих детей дары в виде продуктов, серебра и пр.

Описываемый нами период характеризовался ростом разорения и обнищания масс, вследствие задолженности монгольских феодалов и населения китайским ростовщикам. Китайские купцы, пользуясь большой потребностью монгольских феодалов в драгоценностях и товарах и бедностью аратского населения, которое было не в состоянии приобретать товары за наличный расчет, давали деньги (серебряные слитки), шелка, парчу, драгоценные предметы культа, муку, рис, просо, чай, табак по высокой цене авансом, под большой процент, тем лицам, которые были в состоянии заплатить. Способы авансирования были различны. Часто деньги или товары брались в кредит от имени аймачного сейма, хошунного жаса или других феодальных учреждений для расходов, связанных с подарками императору и взятками, предназначенными для влиятельных чиновников, иногда для срочного расчета с долгами или для удовлетворения нужд феодального чиновничества. Обычно при отпуске товаров авансом купец не говорил точно об условиях расчета. В 1857 г. Тушээтханский аймак за один только квартал должен был китайским фирмам 2470 лан, в том числе по хошуну Туше гуна Балдандоржа 380 лан, по хошуну засага Эрэндоржи 226 лан, по хошуну гуна Цэрэндоржи 139 лай и т. д. Цэцэнханский аймак должен был уплатить в 1899 году китайским фирмам 4927 лап, как общеаймачный долг. Эти деньги для оплаты долгов аймаков взимались с аратов албата, хамжлага и частично тайджи⁵⁹.

Высокие проценты по долгам явились одним из жестоких видов эксплуатации монгольского аратства китайскими ростовщиками. Проценты по долгам возрастали не по годам, а по месяцам. В 1896 году фирма И Шин Куй дала ссуду «на нужды» хошуна 20.000 лан, а в 1904 г. вышеуказанная сумма

59 Позднеев А. М. Монголия и монголы. – СПб., 1896, с. 432

долга вместе с процентами возросла до 50.000 лан, т. е. за восемь лет проценты превзошли первоначальную сумму ссуженных денег в два с половиной раза. Весь же долг хошуна различным фирмам 170.000 лан составил в 1904 году. Хошун Лхаваренчина вследствие этих долгов совершенно разорился⁶⁰.

В силу указанных обстоятельств общество разорялось, происходила пауперизация аратства и ускорился процесс загнивания феодального способа производства. Разорение аратства повлекло за собой упадок хозяйства дворян, уменьшение доходов крупных феодалов и лам. Помимо этого, низкий уровень хозяйства, как следствие отсталости феодального способа производства, выразился в гибели огромного количества скота у всех сословий от бескормицы, гололедицы и эпизоотий. Хотя феодалы, имея право перекочевывать на лучшие пастбища и мобилизовать аратов на спасение скота, имели большие возможности сохранить скот, но, тем не менее, эти явления сказывались и на их хозяйствах.

Долги с их ежемесячно возрастающими процентами и непомерные размеры феодальных повинностей разоряли аратство. Хошун за хошуном нищал, тайджи становились бедными, а иногда и нищими. Прогрессирующее нищенство охватило огромную массу аратства во всех хошунах.

Хошун бэйсэ Лхаваренчина Сансарайдоржа Цэцэнханского аймака от долгов трех поколений князя и разных видов повинностей был доведен до полного разорения. В 1884 году только по одному сомону занги Дамдина этого хошуна 635 человек осталось без скота. Через три года сам занги Дамдин подал прошение своему засагу об освобождении его хозяйства от повинностей ввиду разорения. В 1886 году этот хошун был не в состоянии послать даже 16 хозяйств на халхасские уртоны и вынужден был платить другим хошунам ацаг в сумме 1596 лан.

60 Там же.

Между тем росли долги хошуна иностранным фирмам по займам и задолженность по повинностям. В 1908 г. в хошуне 352 тайджи облагались налогами, хотя в былые времена они либо вовсе не облагались, либо имели большие льготы и привилегии. Тайджи подавали заявления о разорении и просили материально поддержать их.

Число людей, совершенно лишенных скота, в хошуне возросло с 400—415 чел. в 1868-69 гг. до 1000 чел. в 1872 г. Гололедица повторяется почти в течение 20 лет, а пострадавшему от нее населению не уменьшались повинности, что долги хошуна Улясутайскому отделению китайской фирмы Да-Шип и Мойку Жаргала (Пекинской) составляют 10 тысяч лан серебра и около 10 тысяч шт. кирпичного чая, что нищенствующие бродят в соседнем хошуне, поддерживая жизнь милостыней, и что соседний хошун стал выгонять их⁶¹.

Интересно отметить, что как в данном случае, так и вообще, хошунные князья вынуждены были писать об этом в сейм, а иногда через сейм амбаню (губернатору) для того, чтобы, во-первых, успокоить тысячи голодающих, а во-вторых, уменьшать размер повинностей и долгов общего значения за счет этого хошуна.

В письмах, в таких случаях, всегда указывалось в первую очередь на пострадавших дворян, хотя они составляли абсолютное меньшинство. Это делалось в знак уважения к дворянам как к людям благородным, «белой кости», а также для того, чтобы придать больший вес письму.

В письме одного хошунного управления ургинскому амбаню, датированном 1882 годом, указывалось, что лишенные скота араты составили 8705 чел., а умершие от голода - 1225 чел. В качестве причин указывались гололедица, повинности и долги (100.000 лан серебром). Это разорение было настолько сильным, что вызвало беспокойство не только у правителя данного хошуна, но и у богдо-гэгэна, который в виде благодеяния послал в хошун 300

61 Майский И. М. Монголия накануне революции. – М.: Изд-во вост. Лит., 1959. – с. 230

лан серебром для поддержания жизни голодающих⁶². В описываемый нами период феодалы уже не могли держать в своем владении лишенных скота аратов. Эти араты стали для них обузой.

Многие бедные араты вынуждены были сопровождать караваны верблюдов с грузами. Разоренные араты бесплатно работали у феодалов, батрачили у богатых аратов, занимались охотой, ремеслом, устраивались у торговцев проводниками караванов, а небольшое количество из них начало заниматься земледелием. Лишь немногие устраивались у иностранных купцов на поденную работу. Например, А. В. Бурдуков вспоминает, что в 1911 г. северо-западной Монголии, в местности Ханхылцук, молодежь, старики и старухи приходили к русским купцам работать поденно⁶³.

Лишенные скота араты в конце XIX и начале XX вв. увеличили в стране число нищих (гуйлагачины), бродяг (цагаачин хэрмэль), батраков и бедняков в сельских местностях, харчууд (чернь), борчууд («серые» люди) в монастырях и наиболее крупных центрах. Эта масса разоренных не использовалась иностранным капиталом в качестве рабочей силы и часто превращалась в деклассированную прослойку, без определенных занятий и средств к существованию.

Все эти обстоятельства вынудили феодалов прибегнуть к обычным мерам: а) просить об облегчении населения данного хошуна от несения всяких повинностей, б) переложить повинности и долги, начисленные данному хошуну, на другие хошуны, в) со второй половины XIX и начала XX вв., т. е. в период автономии, искать пути улучшения хозяйства и увеличения его доходности. С этим частично связаны некоторые реформаторские идеи среди феодальных кругов.

62 Ширендыб. Б. Монголия на рубеже XIX – XX веков (история социально-экономического развития) – Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. – с. 37

63 А. В. Бурдуков. Воспоминания о 1911 годе, часть 1.

Богдо-гэгэн и другие церковные лица для успокоения разоренных масс давали им подачки, делали «благodeяния», молились богу за улучшение положения и в то же время в 1882 г. по рекомендации ургинского амбана издали указ, запрещающий рядовым людям носить слишком нарядную одежду.

Из всего сказанного видно, что рост повинностей и долгов привел к массовому разорению албаты, хамжлаг и шаби. Аратские массы находились под политическим, экономическим и духовным гнетом внутренних и внешних угнетателей.

Глава II. Политическое положение Монголии на рубеже XIX – XX веков

II. I. Место и роль ламаизма в монгольском обществе

Большую роль в экономической и политической жизни Монголии играла ламаистская церковь – одно из течений буддизма, зародившееся в Тибете. В соответствии с буддийским учением ламаизм исходит из догмата о «перерождениях». Он учит, что одна форма существования живых существ сменяется другой. Появившись на свет, человек продолжает предыдущие страдания, но человек может найти спасение в будущих «перерождениях». В этом ему помогут ламы – монахи буддийских монастырей и хубилганы – «живые боги», в которых «воплотились» легендарные буддийские и ламаистские проповедники. Центром ламаизма был Тибет, духовный и светский правитель которого, далай-лама, согласно традиции, установившейся в XVI в., считается очередным «воплощением» своих предшественников.

Широкое распространение ламаизма началось в Монголии с конца XVI в. Он стал орудием духовного порабощения аратов. Опираясь на ламаизм, власть имущие утверждали, что феодалы заслужили власть и богатство достойным поведением в греховную жизнь в прошлом, но их ждет спасение в будущих

«перевоплощениях». В стране быстро росло число монастырей. Установился обычай делать старшего сына ламой. Около 40 % мужского населения Монголии были ламами, давшими обет безбрачия.

В монастырских хозяйствах сосредоточилось большое количество скота. Монастыри занимались ростовщичеством. Ламаистская церковь превратилась в могущественную централизованную организацию, располагавшую огромным влиянием на все слои монгольского населения. Мелкие монастыри подчинялись более крупным. Главным монастырем Монголии был монастырь в Урге (ныне Улан-Батор). Находившийся в нем «живой бог», носивший титул богдо-гэгэна (букв., «свет божества»), был главой ламаистской церкви в Монголии.

Монастыри претендовали и на роль культурных центров. В них изучали тибетскую грамоту, буддийские книги, астрономию, тибетскую медицину.

Высшие ламы составляли весьма влиятельную прослойку класса феодалов. Что касается рядовых лам, то, являясь проводниками идеологии господствующего класса, они, тем не менее, составляли особую прослойку аратства и сами подвергались феодальной эксплуатации со стороны высших лам.

Цины всячески поддерживали ламаистскую церковь, превратив ее в один из главных оплотов своего господства Монголии. При этом они бдительно следили за тем, чтобы она не стала независимой от них политической силой. Они запретили избирать богдо-гэгэна из представителей феодальных семей Монголии. Он должен быть уроженцем Тибета.

Именно в результате роста влияния ламаизма на народные массы и завоевания им все большего авторитета в светских делах монгольских феодалов, аристократическая часть духовенства во главе с богдо-гэгэном оказалась у руководства национально-освободительной борьбой против маньчжурского ига. Реакционная часть духовенства в то же время была крайне

консервативной и относилась ко всему новому светскому ревниво, считая каждое новое реальное явление в жизни общества противоречащим принципам религии. Известно, что духовенство во главе с богдо-гэгэном выступало против монгольской торговли, открытия закусочных и против ношения молодежью современной одежды.

II. II. Политика иностранных держав в Монголии в конце XIX – начале XX века

В эпоху империализма Монголия стала объектом острой межимпериалистической борьбы. Богатейшие естественные ресурсы страны и ее выгодное географическое положение привлекали к себе внимание империалистических государств Старого и Нового света. Но главными претендентами на господство в Монголии выступили Япония и царская Россия.

Монголия привлекала внимание японских империалистов не только своими богатствами, но и как плацдарм для агрессии против Китая и России. Именно эти устремления были впоследствии положены империалистической Японией в основу так называемого плана Танака.

Политика царской России в Монголии определялась, с одной стороны, целями обороны против будущей агрессии Японии, а с другой — заинтересованностью русского капитала в монгольском рынке. Если до русско-японской войны царская Россия воздерживалась от активной политики во Внешней Монголии, находившейся в стороне от основных направлений ее империалистической политики, то после войны и заключения ряда соглашений

с Японией о разделе сфер влияния положение изменилось. Внешняя Монголия стала занимать серьезное место в политике царской России на Дальнем Востоке⁶⁴.

Особую заинтересованность во Внешней Монголии проявляли русское купечество и фабриканты, нуждавшиеся в экспорте своей продукции и источниках дешевого сырья. Их попытки укрепить свои позиции в Монголии встречали сопротивление китайского торгово-ростовщического капитала, превратившегося в приказчика крупных американских, английских и японских фирм. Опираясь на эти фирмы, пользуясь поддержкой цинских властей, китайские купцы почти монопольно владели монгольским рынком, вытесняя оттуда русские товары и русских капиталистов. Это вело к тому, что пассив русско-монгольской торговли из года в год увеличивался, вынуждая русских капиталистов покрывать его ввозом в Монголию драгоценных металлов. До свержения маньчжурского господства вывоз товаров из России в Монголию был в несколько раз меньше ввоза в Россию сырья из Монголии. Монголия была важным источником сырья для русской промышленности. Уже в 1909 г. Монголия поставляла 12% кожевенного сырья, покупаемого Россией за границей, 13% шерсти и пушнины, 25,5% конского волоса, 10,5% крупного рогатого скота, 10,8% лошадей и 24,9% мелкого рогатого скота⁶⁵.

Русские купеческие круги и фабриканты пытались создать организацию, способную противостоять конкуренции на монгольском рынке. В 1912 г. в Москве было учреждено так называемое «Русское экспортное товарищество», во главе которого встал известный миллионер, фабрикант и купец Рябушинский. Это «Товарищество» открыло в Урге и Улясутае свои отделения. Но всего этого оказалось недостаточно для преодоления конкуренции. Крупное купечество и промышленные круги добивались активизации политики царизма, требуя эффективных мер по «охране» их интересов в Монголии. Дворянство и

64 Гольман М. И. История советско-монгольских отношений / М. И. Гольман. – М., 1981. – с. 47-49

65 Осипов А. А. Внешняя политика Монгольской Народной Республики. – М.: ИМО, 1963. – с. 19

придворная знать, заинтересованные в колониальных авантюрах, в свою очередь, оказывали давление на внешнюю политику царского правительства, также настаивая на ее активизации в Монголии. Новый курс маньчжурской политики на усиление колонизации Монголии вызывал недовольство правящих кругов царской России. Осуществление этой политики серьезно затруднило бы русскому царизму выполнение его собственных экспансионистских планов.

Однако правительство царской России вынуждено было осторожно приближаться к осуществлению своих планов в Монголии. Оно опасалось, что политика прямых действий вызовет нежелательную реакцию других империалистических государств.

Империалистическая Япония уже в то время всеми мерами стремилась установить свое господство в Монголии. Ее очередной задачей в этот период было закабаление Внутренней Монголии. Раздел сфер влияния с царской Россией отдавал почти всю Внутреннюю Монголию в руки Японии. В результате хищный японский империализм оказывался непосредственным соседом Внешней Монголии, куда японская военщина засылала своих агентов и шпионов. Правящие круги Японии, спекулируя на влиянии ламаизма в Монголии, выдавали себя за защитников буддизма-ламаизма.

Таким образом, соседство с империализмом Японии таило в себе для Внешней Монголии постоянную опасность вооруженного вторжения и превращения ее в японскую колонию.

Помимо Японии и царской России активное участие в борьбе за преобладание в Монголии принимали и другие империалистические страны, особенно США и Англия, каждой из которых хотелось закрепить монгольский рынок за собой. В качестве орудия своей политики они использовали правительство насквозь прогнившей маньчжурской династии, а после ее свержения — различные милитаристские клики реакционных китайских генералов, а также китайский торгово-ростовщический капитал. При

посредничестве китайских купцов-ростовщиков монгольское сырье стало с каждым годом во все больших количествах поступать на рынки Европы, Америки, а также Японии; при их же посредничестве в Монголию завозились товары из Японии, США и Англии, успешно конкурировавшие с русскими товарами.

В Китае Цинская династия еще продолжала цепляться за власть, хотя дни ее были сочтены. В стране назревала революция, задуть которую агонизировавшая правящая клика была уже не в состоянии. Но вместе с тем в силу неблагоприятных международных и внутренних условий революция в Китае не могла решить вопрос о переходе власти в руки народа.

Таково было международное положение Внешней Монголии накануне событий 1911 г. В этой обстановке интересам монгольского народа наиболее соответствовала политика сближения с Россией. В России в то время складывались предпосылки нового революционного подъема. Дружественные отношения с Россией открывали дорогу в Монголию передовым революционным идеям. Наоборот, политика, ориентирующая на установление связей с империалистической Японией или с другими империалистическими государствами, не сулила Внешней Монголии ничего, кроме реакции, новой колониальной кабалы и окончательной гибели. То же самое могла дать Внешней Монголии и политика, направленная на сговор с китайской реакцией. В этом случае монгольский народ не мог бы избежать превращения его страны в колонию одной из империалистических держав — Англии, Америки или Японии, в зависимости от того, чьей марионеткой была милитаристская группировка, в данный момент оказавшаяся у власти в Китае.

Глава III. Образование монгольского феодально-теократического государства в результате освободительной борьбы 1911-1912 гг.

III. I. Предпосылки национально-освободительного движения 1911-1912 гг.

Начало XX в. застало Монголию на грани полного обнищания и разорения. В усиленной эксплуатации монгольского народа, в разрушении производительных сил страны с одинаковым рвением участвовали внутренние и внешние эксплуататоры, а именно монгольские светские и духовные феодалы, маньчжуро-китайская бюрократическая администрация, иностранный, особенно китайский, торгово-ростовщический капитал и, наконец, международный империализм. Это, естественно, привело к упадку базы экономики – экстенсивного кочевого скотоводства. Повсеместно наблюдалось разорение аратских хозяйств, целых хошунов и районов, основное богатство страны – скот – все больше концентрировалось главным образом в руках небольшой кучки крупнейших феодалов и китайских ростовщиков. Массы же аратов, лишились скота – средства пропитания, превращались в пастухов чужих стад, влача нищенское и полуголодное существование. Свирепствовали голод и разруха, страна пережила глубокий экономический и социально-политический кризис.

Многочисленные материалы, как официальные, так и приводимые в трудах исследователей и путешественников, ярко рисуют глубину и остроту этого кризиса. Укажем для примера на хошун Цэрэн-дзасака Тушэту-ханского аймака, аратство которого в 1892 г. обязано было уплатить хошунную задолженность купцам-ростовщикам на сумму более 100 тыс. ланов и внести в аймачное управление (джисан) на разные казенные нужды обременительный натуральный и денежный оброк. Араты этого хошуна должны были, кроме того, приобретать новое вооружение и снаряжение для солдат своих сомонов, снаряжать для населения пограничной службы воинские отряды. Как признавали сами власти этого хошуна, всего имущества аратов не хватило бы для погашения лежавших на них обязательств⁶⁶. Естественно, что аратство хошуна с каждым годом все более утрачивало хозяйственную самостоятельность.

В хошуне Гончик-Чойджон-дзасака Сайнноенханского аймака в 1912 г. на одно аратское хозяйство приходилось в среднем всего по 2 головы рогатого скота, по 12 овец и коз. Такое количество скота не могло прокормить аратов, задавленных феодальными поборами и повинностями. Они вынуждены были добывать себе средства к существованию разными побочными заработками. Такое бедственное положение аратов усугублялось еще тем, что задолженность этого хошуна китайским фирмам равнялась в среднем 100 ланам на одно аратское хозяйство⁶⁷.

В хошуне Балдан-дзасака того же аймака хошунный дзасак, исчерпав все обычные источники доходов, не нашел ничего лучшего, как обложить особым сбором нищих за право собирать милостыню. С тех пор нищете должны были выделять часть своих «доходов» в пользу владетельного феодала. Положение в

66 История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб, Л. И. Думан; гл. ред. А. П. Окладников. - Москва: Наука, 1983. - с. 256

67 Ширендыб, Б. Монголия на рубеже XIX – XX веков (история социально-экономического развития) – Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. – с. 34

большинстве других хошунов Монголии мало чем отличалось от описанного выше.

Разнузданное, ничем не ограниченное ограбление монгольского аратства обогащало светских и духовных феодалов, торговцев-ростовщиков, в руках которых скапливались огромные богатства. Но эти богатства не вели к подъему народного хозяйства и созданию нового, более передового способа производства.

По уровню своего развития Монголия в это время была очень отсталой страной. Маньчжурская династия сделала все, чтобы лишить монгольский народ условий, необходимых для социально-экономического и культурного развития. Вследствие исключительной отсталости монгольской экономики и низкого уровня развития ремесла и промышленности араты, теряя скот, превращались в людей, труд которых не мог найти себе производительного применения.

Колониальное угнетение и жесточайшая феодальная эксплуатация были основным препятствием на пути культурного развития монгольского народа. Естественным результатом такой политики была почти поголовная неграмотность населения. В стране не издавалось газет и журналов.

К концу маньчжурского господства почти 1/3 мужского населения страны составляли ламы, связанные обетом безбрачия, что неизбежно приводило к падению рождаемости. Вместе с тем в Монголии находилось много китайских купцов-ростовщиков и их служащих, проживавших в стране временно и без семей. Все это не могло не влиять отрицательно на монгольскую семью. Тибетская медицина, будучи единственным видом доступной народу медицинской помощи, не могла предохранить аратство от распространения болезней. Массовому распространению социальных болезней и различных эпидемий способствовали антисанитарное состояние жилищ, пищи и низкий уровень всего бытового уклада.

Бедственные условия жизни монгольского народа толкали его на путь борьбы за уничтожение порядков, принесших ему бесконечные страдания. В конкретных условиях конца XIX — начала XX в. главным препятствием для прогресса Монголии было господство Цинской династии. Свержение маньчжурского колониального господства и гнета китайского ростовщического капитала было основной задачей, стоявшей перед монгольским народом. Без этого монгольский народ не мог преодолеть вековую отсталость и выйти на путь прогресса.

В стране все больше росло недовольство, выливавшееся в стихийные выступления аратов против цинских властей. Эти выступления, особенно участвовавшие под влиянием революции 1905 г. в России, свидетельствовали о том, что идеи освободительной борьбы начали овладевать аратскими массами. Наряду с этим росли симпатии аратства к России, к великому русскому народу, героически боровшемуся против царизма. Росту симпатии к России не могла помешать даже хищническая деятельность русских купцов, мало чем отличавшаяся от деятельности китайских ростовщиков.

При всем этом формирование революционного сознания аратства чрезвычайно затруднялось его раздробленностью, его рассеянностью на огромной территории, где на каждого человека приходилось в среднем 2—3 кв. км площади, при отсутствии иных средств связи и общения, кроме лошади и верблюда. Огромные трудности возникали также в связи со всей системой ламаистского идеологического воздействия на аратов, когда им с детского возраста внушались религиозная мистика и благоговейное преклонение перед ламами, особенно высшими, а также перед своими господами-феодалами.

Класс крепостного аратства был основной движущей силой национально-освободительного движения в Монголии, развертывавшегося под влиянием русской революции 1905 г. и в тесной связи с начавшейся революцией в Китае. Однако общие условия, как внутривосточные, так и внешнеполитические, были неблагоприятны для аратства. В Монголии не

существовала национального рабочего класса, который мог бы возглавить всенародное восстание и обеспечить его победоносное завершение. Аратство Монголии не имело и достаточного опыта организованной борьбы, не имело своей политической революционной организации. Руководство движением оказалось, поэтому в руках феодалов и высшего ламства. Плоды народной борьбы на этом этапе достались феодалам и высшим ламам.

Отношение монгольских феодалов к Цинской династии стало с конца XIX в. резко меняться. Так называемый новый курс политики цинских правителей в Монголии, сохранявшей ранее относительно обособленное положение в Цинской империи, вызывал недовольство даже среди феодалов, которые не могли не искать пути к национальному освобождению страны от иноземного гнета, преследуя, разумеется, свои классовые интересы и цели. Это объяснялось главным образом поворотом цинской политики в Монголии, ставившей целью колонизацию монгольских земель, увеличение в Монголии численности маньчжурских войск, отстранение монгольских феодалов от управления страной и усиление маньчжурской администрации и экономического господства китайского торгово-ростовщического капитала. Рост антиманьчжурских настроений среди феодалов в немалой степени был связан также с общим ослаблением внешних и внутренних позиций Цинской империи. Этому же способствовали прогрессирующее разорение страны и обнищание аратства, что вело к сужению возможностей феодальной эксплуатации аратов. Наконец, на путь борьбы с маньчжурским господством толкало монгольских феодалов расширение и углубление стихийной национально-освободительной борьбы аратства, угрожавшее перерасти в борьбу против феодалов. Монгольские князья добивались освобождения страны от иноземного гнета не потому, что отстаивали интересы своего народа, а потому, что хотели поставить во главе Монголии, уже освободившейся от маньчжурского ига и восстановившей свою государственную независимость, своего хана, который

передал бы в их руки безраздельное господство над народом, вернул бы им монопольное право на эксплуатацию аратства.

Чувствуя свою слабость, монгольские ханы и князья, искали опору в русском царизме, с помощью которого надеялись освободиться от власти Цинской династии, добиться провозглашения государственной независимости Монголии, удержать в повиновении аратство и сохранить свои привилегии.

Таким образом, к 1911—1913 гг. складывались реальные условия для общенациональной борьбы в Монголии за свержение маньчжурского колониального режима в стране и ликвидацию китайского торгово-ростовщического капитала.

III. II. Свержение цинского господства и образование феодально-теократического государства

Путь к освобождению монгольского народа от цепей - колониального и феодального гнета пролегал через укрепление традиционной дружбы с русским народом, а также с трудящимися Китая, которые в это время поднимались на революционное восстание, приведшее вскоре к свержению Цинской династии.

Великодержавная маньчжурская политика во Внешней Монголии стала особенно активизироваться в последние годы правления Цинов. В начале 1911 г. в Ургу прибыл из Пекина специальный представитель военного министерства полковник Тан с большой группой чиновников. Его главной задачей была реорганизация военного управления Монголии. По его приказу недалеко от Урге стали строить казармы. Содержание всех вновь созданных учреждений, бесчисленные разъезды чиновников, расходы на строительство казарм — все это легло дополнительным бременем на плечи аратства. Недовольство масс росло, обстановка в стране все более накалялась.

Внешняя Монголия стала центром всемонгольского антиманьчжурского национально-освободительного движения.

В июле 1911 г. в Урге тайно от цинских властей состоялось совещание, в котором приняли участие крупнейшие светские и духовные феодалы во главе с богдо-гэгэном. На нем присутствовали и представители Внутренней Монголии. Совещание обсудило положение в стране. Учитывая новый курс цинской политики и настроения аратства, участники совещания признали невозможным для Монголии оставаться дольше под властью Цинской династии. Это решение было принято в результате долгих прений большинством участников, отмечавших, что начинавшаяся в Китае революция создает благоприятную обстановку для провозглашения независимости Монголии. Совещание решило послать специальную делегацию в Россию для переговоров о помощи⁶⁸.

Дипломатический представитель царской России был информирован инициаторами совещания, как о его созыве, так и о принятых решениях. 28 июля 1911 г. он телеграфировал в Петербург, что в ближайшие дни из Урги выедет в Россию делегация, которая будет вести переговоры о поддержке Россией нового монгольского государства, которое должно было объединить Внешнюю и Внутреннюю Монголию.

Царское правительство после некоторых колебаний решило принять депутацию, с тем чтобы «попытаться придать этому делу желательный для нас характер», как выразился исполнявший обязанности премьер-министра царского правительства Коковцев в своем письме временному главе министерства иностранных дел Нератову.

Депутация монгольских феодалов во главе с командующим войсками Тушэту-ханского аймака цинь-ваном Ханда-Доржи прибыла в столицу России 15 августа. Через день она была принята министром иностранных дел

68 Кузмин. Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – XX в.) – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1997. – с. 111-115

Сазоновым. Ханда-Доржи передал Сазонову письмо богдо-гэгэна от 30 июля, адресованное русскому царю и содержавшее предложение заключить договор о признании независимости Монголии, соглашение о торговле, о строительстве железных дорог, об организации почтовой связи и т. п.; богдо-гэгэн писал, что ханы и князья решили изгнать из пределов Монголии китайских торговцев и установить дипломатические отношения с Россией, расширить торгово-экономическое сотрудничество. В письме подробно излагались причины, побудившие ханов и князей добиваться освобождения страны от власти Цинов и просить помощи России. Это письмо вскрывает подлинные причины, вынудившие выступить против тех, кому они верой и правдой служили более 200 лет, за независимость страны.

Отмечая, что монгольские ханы в прошлом неограниченно, по собственному усмотрению распоряжались своим наследством, вступали в его владение и назначали наследников, а также награждали титулами и званиями, авторы письма писали, что в настоящее время «маньчжурские тушимэлы (чиновники) захватили это право себе и за наследование и жалование титулами берут себе дань в тысячи и десятки тысяч ланов. Сейчас имеется очень много дзасаков, которые, не имея достаточных средств, годами не могут получить себе чинов. Маньчжурский император в течение многих лет не отпускал монгольским князьям, полагавшиеся им по закону ежегодные подарки шелками». Далее говорилось о том, что цинские власти «урезывают и уменьшают права многих монгольских дзасаков»⁶⁹.

Кроме богдо-гэгэна это письмо подписали: тушэту-хан Да-ши-Нима, цэцэн-хан Наван-Нэрин, дзасакту-хан Содном-Рабдан и сайн-нойон-хан Намнан-Сурэн. В этом документе была изложена фактически вся программа монгольских феодалов. Как видим, в основе этой программы лежали, прежде всего, узкоклассовые, своекорыстные цели, направленные, прежде всего к тому, чтобы восстановить право феодалов на монопольную эксплуатацию аратства.

69 Осипов А. А. Внешняя политика Монгольской Народной Республики. – М.: ИМО, 1963. – с. 33-36

Предложения монгольских феодалов о полном отделении Монголии от Цинской империи, о восстановлении государственной независимости Монголии, включая Внутреннюю Монголию, о покровительстве России над новым монгольским государством были отклонены царским правительством, которое опасалось отрицательной реакции других империалистических держав; оно, однако, согласилось взять на себя роль посредника между Ургой и Пекином, с тем, чтобы побудить цинское правительство отказаться от колонизации монгольских земель, от ввода в Халху маньчжурских войск, от насаждения в стране своей администрации и от других реформ подобного рода.

В соответствии с принятым решением царское правительство убеждало Ханда-Доржи и других членов депутации отказаться от плана полного отделения от Цинской империи, обещая за это помощь в предстоящих переговорах с правительством Пекина. Наряду с этим через своих представителей в Пекине царское правительство оказывало давление на Цинов, требуя отказа от нового курса политики в Монголии. Начавшееся в конце лета 1911 г. мощное антиманьчжурское движение китайского народа, свергнувшее в начале 1912 г. Цинскую династию, дало возможность царскому правительству более решительно вмешаться во взаимоотношения между Ургой и Пекином. Еще в октябре 1911 г. оно потребовало от цинского правительства формального письменного обязательства не проводить во Внешней Монголии никаких реформ без соглашения с правительством России. Доживавший последние дни маньчжурский двор вынужден был согласиться с этим требованием. 19 октября 1911 г. посольство России в Пекине специальным письмом уведомило, что правительство России приняло к сведению заявление цинского правительства о том, что к членам монгольской делегации, ездившей в Петербург, никаких репрессий не будет применено. Желая подкрепить свои позиции перед Пекином и показать монгольским феодалам свою готовность прийти им на помощь, правительство царской России направило в Ургу под предлогом охраны русского консульства батальон пехоты и несколько сотен казаков.

В середине октября 1911 г. депутация Ханда-Доржи вернулась в Ургу. Обсудив итоги переговоров, надеясь на помощь царизма и учитывая развернувшуюся в Китае революцию, феодальная верхушка приступила к действиям. Комитет князей и высших лам, образованный для руководства переворотом, 28 ноября 1911 г. вызвал в Ургу из ближайших хошунов монгольское ополчение, а 30 ноября маньчжурскому амбану Саньдо было предъявлено требование покинуть пределы Внешней Монголии.

1 декабря 1911 г. было опубликовано обращение к монгольскому народу⁷⁰, в котором говорилось:

«Наша Монголия с самого начала своего существования была самостоятельным государством, а потому, согласно древнему праву, Монголия объявляет себя независимым государством с новым правительством, с независимой от других властью в свершении своих дел. Ввиду изложенного им объявляется, что мы, монголы, отныне не подчиняемся маньчжурским и китайским чиновникам, власть которых совершенно уничтожается, и они вследствие этого должны отправиться на родину».

Китайский гарнизон в Урге не захотел защищать Цинскую династию, против которой в это же время китайский народ поднял восстание. Справедливо опасаясь гнева народных масс и видя безнадежность сопротивления, Саньдо со своими чиновниками и их семьями укрылся в стенах царского консульства в Урге, взявшего их под свою защиту. 4 декабря 1911 г. Саньдо и другие чиновники под охраной русских казаков выехали из Урги в Китай. Царское консульство взяло на себя защиту и китайских купцов, когда долго сдерживавшаяся ненависть монгольского аратства стала выливаться в стихийные выступления.

70 Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. – М.: Изд. Вост. Лит., 1957. – с. 156-159.

Улясутайский цзянь-цзюнь, будучи, подобно Саньдо бессильным против восставшего народа, также не оказал серьезного сопротивления и в конце декабря 1911 г. покинул Монголию.

Иначе сложилась обстановка в районе Кобдо, где маньчжурский амбань имел в своем распоряжении многочисленный гарнизон, большие запасы продовольствия и боеприпасов. Рассчитанный на помощь из Синьцзяна, откуда уже были отправлены к нему подкрепления, амбань отказался признать новую монгольскую власть. Он заперся в крепости и стал готовиться к обороне. Но тут вмешалось правительство царской России, которое решительно потребовало от пекинских властей задержать войска из Синьцзяна. Таким образом, подкрепления из Синьцзяна не дошли до Кобдо, который был осажден восставшими аратами и войсками, посланными из Урги правительством богдо-гэгэна. 6 августа 1912 г. город и крепость Кобдо были взяты штурмом аратами, боевыми действиями которых руководили Максаржав и Дамдинсурэн. За заслуги в боях за взятие Кобдо были присвоены почетные титулы: хатан-батор — Максар-жаву и манлай-батор — Дамдинсурэну. Население Кобдо, тогда же разгромило лавки и склады китайских купцов-ростовщиков и уничтожило долговые документы.

Так в результате освободительного движения монгольского аратства Монголия сбросила с себя более чем двухвековое маньчжурское иго, изгнала из страны ненавистную маньчжурскую бюрократию и нанесла сильный удар позициям китайских купцов-ростовщиков. Но власть в стране не перешла в руки монгольского народа, сыгравшего решающую роль в освободительной борьбе. Власть попала в руки феодалов и высших лам, провозгласивших богдо-гэгэна ханом нового монгольского государства. 16 декабря 1911 г. в Урге, в монастыре Дзун-хурэ, состоялась церемония восшествия на ханский престол главы ламаистской церкви богдо-гэгэна, получившего титул «многими возведенного». Богдо-гэгэн назначил правительство, которое передало портфель премьер-министра сайн-нойон-хану Намнан-Сурэну, министра внутренних дел

— одному из крупнейших церковных феодалов да-ламе Цэрэн-Чимиду. Министром иностранных дел стал цинь-ван Ханда-Доржи, пост военного министра занял далай-ван Гомбосурэн, министра финансов — тушэту-ван Чагдаржав, а министра юстиции — эрдэнэ-ван Намсрай⁷¹.

Таким образом, через двести с лишним лет после ликвидации маньчжурами монгольской государственности она была восстановлена в виде неограниченной феодально-теократической монархии. Создание независимого монгольского государства в результате национально-освободительного движения монгольского народа в 1911—1912 гг., несмотря на его феодальную сущность, было объективно прогрессивным явлением в истории страны.

Новый этап национально-освободительного движений завершился ликвидацией маньчжурского колониального режима в Монголии и восстановлением национальной государственности. Однако при этом не были полностью решены задачи движения, ради которых боролся находившийся под чужеземным гнетом свободолюбивый монгольский народ. Монгольские светские и духовные феодалы, возглавившие освободительную борьбу, использовали ее в своих узкоклассовых интересах и не замедлили превратить вновь созданное государство в орудие эксплуатации народных масс.

В это время бурно развивалось национально-освободительное движение во Внутренней Монголии. Здесь почти во всех хошунах произошли вооруженные восстания. Но, как и во Внешней Монголии, руководство движением захватили в свои руки князья Внутренней Монголии. Так обстояло дело и в Западной Монголии. Таким образом, широкая антиманьчжурская волна, охватившая в 1911—1912 гг. Внутреннюю и Внешнюю Монголию, была единым освободительным движением монгольского народа, в отношении которого на протяжении 200 лет маньчжурская власть проводила политику насильственной изоляции и искусственного разъединения. Однако это не могло

71 Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII – XVIII вв. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. – 216 с.; Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987. – с. 179-186.

остановить общего стремления монголов избавиться от чужеземного гнета и добиться независимости страны.

Наибольший размах движение приобрело в начале 1912 г. в Барге, которая объявила о своем присоединении к вновь созданному монгольскому государству. О добровольном присоединении заявило большинство хошунов Внутренней Монголии (35 из 49).

В Ургу посыпались многочисленные петиции о присоединении, заверенные подписями и печатями, от сеймов, хошунов, а также от отдельных лиц из Внутренней Монголии.

Во Внутренней Монголии проводилась Жесточайшая колонизационная политика Цинской династии, в результате которой монгольские скотоводы были согнаны с плодородных земель и исконных пастбищ в пустынные районы. Усиливался также и национальный гнет. Все это стимулировало рост национально-освободительного движения во Внутренней Монголии, принимавшего различные формы: вооруженного восстания, переселения во Внешнюю Монголию, активной помощи войскам правительства богдо-гэгэна и т. д.

Феодальная верхушка Внешней и Внутренней Монголии, добиваясь объединения монгольских земель и образования единого национального государства, руководствовалась не только общенациональными интересами, но и желанием закрепить за собой право на монопольную эксплуатацию всего аратства.

Движение за присоединение к Внешней Монголии хошунов Внутренней Монголии активно поддерживалось и правительством вновь созданного государства богдо-гэгэна. Такая политика правительства богдо-гэгэна объективно отвечала стремлениям народных масс к объединению всех монгольских земель и созданию сильного национального государства.

Успех этой политики зависел в первую очередь от позиции царской России. Но ее правительство, подталкиваемое собственной империалистической буржуазией, было против образования независимого монгольского государства; оно отклонило и предложение о присоединении к Внешней Монголии Барги и хошунов Внутренней Монголии. Японии и другим империалистическим державам также было не по нутру объединение обеих частей Монголии.

Пользуясь, однако, затруднительным положением правительства маньчжурской династии, правительство царской России стало добиваться предоставления Внешней Монголии широкой автономии. В декабре 1911 г. русский посол в Пекине предложил правительству заключить формальный договор с Внешней Монголией о широкой внутренней автономии в рамках китайского государства. Вместе с тем царское правительство потребовало официального признания особых прав России во Внешней Монголии и отказа от проведения каких-либо мероприятий в этой стране без согласования с ним, что было продиктовано его экспансионистской политикой в интересах русского торгово-промышленного капитала.

В январе 1912 г. китайский народ сбросил ненавистную маньчжурскую династию. Правительство царской России вступило в переговоры по поводу Внешней Монголии с новым правительством Китая. Переговоры тянулись весь 1912 год и не принесли успеха царизму. Торгово-ростовщические и бюрократические круги Китая вынудили правительство Юань Шикая категорически отказать России в ее притязаниях. Оно отказалось признать отделение Монголии от Китая и отклонило предложение царской России о предоставлении Монголии внутренней автономии.

Убедившись в невозможности достигнуть соглашения с правительством Юань Шикая, царское правительство решило самостоятельно узаконить существование автономии Монголии и свое преобладание в ней. В результате длительных переговоров между представителем царской России Коростовцем и

правительством богдо-гэгэна 3 ноября 1912 г. в Урге было подписано русско-монгольское соглашение⁷².

Сам факт заключения такого договора имел важное политическое значение для феодально-теократического монгольского государства. Он означал, что правительство богдо-гэгэна уже вступило в договорные соглашения с такой великой державой, как царская Россия, и заявило о себе на международной арене как самостоятельная сила.

Русско-монгольские переговоры начались в Урге. Разгоревшиеся жаркие споры в ходе переговоров чуть не привели к срыву их. В конечном счете стороны сошлись на том, что в тексте договора политическая независимость монгольского государства будет сформулирована по-разному в обоих текстах договора в монгольском — как «полная независимость», а в русском — как «автономия».

Вводная часть этого соглашения констатировала, что «ввиду желания монголов сохранить самобытный строй своей страны маньчжурские войска и маньчжурские власти были удалены с монгольской территории и Джебзундамба-хутухта был провозглашен повелителем монгольского народа. Прежние отношения Монголии и Китая, таким образом, прекратились». Соглашение в русском тексте не признавало Монголию независимым государством и обходило вопрос о взаимоотношениях между ней и Китаем. Оно обещало монгольскому правительству помощь России в деле сохранения автономии, формирования вооруженных сил, недопущения китайской колонизации и ввода китайских войск. К соглашению был приложен протокол, в котором были сформулированы права русских подданных в Монголии. Этот протокол носил ярко выраженный империалистический характер. Он разрешал русским купцам беспрепятственно передвигаться по всей стране и заниматься любым промыслом, поселяться и приобретать недвижимость, а также давал

72 Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. – М.: Госуд. Изд-во политической литературы, 1952. – с. 410-417

право беспошлинного ввоза в Монголию товаров и вывоза из нее скота и сырья, освобождения от всех внутренних налогов и право экстерриториальности.

Подписанию соглашения предшествовала упорная борьба правящих кругов Монголии, добивавшихся реализации своей внешнеполитической программы. Правящая верхушка Монголии требовала, чтобы соглашение четко определило положение Барги и Внутренней Монголии как составных частей единого монгольского государства. Представители царской России возражали. Единственная уступка, сделанная царской Россией, сводилась к тому, что всюду в тексте соглашения название «Внешняя Монголия» было заменено словом «Монголия». Но и здесь царский представитель по указанию Петербурга в секретной ноте разъяснил представителям монгольского правительства, что царское правительство оставляет за собой право выбрать, на какие районы, кроме самой Внешней Монголии, оно распространит право на автономию.

Преследуя империалистические цели, царская Россия, тем не менее, объективно содействовала прогрессивному развитию событий в Монголии. Она фактически признала существование монгольского государства, вступив с ним в международные договорные отношения.

Русско-монгольский договор, облаченный в столь двусмысленные, завуалированные фразы, вызвал немедленную реакцию на международной арене. Империалистические соперники царизма, боясь усиления его позиций в Монголии и во всем Китае, подвергли резкой критике его внешнюю политику. Юаньшикаевский Китай, претендовавший на Монголию как на обычную китайскую провинцию, и слышать не хотел о русско-монгольском договоре.

Что же касается собственно Монголии, то отказ царизма признать Монголию независимым от Китая государством и согласиться на присоединение к ней Внутренней Монголии и Барги вызвал серьезное недовольство среди крупных феодалов и высших лам. Уже в ходе переговоров

среди высших лам раздавались голоса, требовавшие установления связи с Японией или заключения самостоятельного соглашения с Китаем.

Вскоре после подписания русско-монгольского договора богдо-гэгэн направил да-ламу Цэрэн-Чимида к японскому императору с письмом, в котором просил «помощи», т.е. фактически предлагал протекторат Японии над Монголией. Правда, японские империалисты, опасавшиеся в то время открыто испортить отношения с царской Россией, задержали богдо-гэгэновского посла в Хайларе, откуда ему пришлось возвращаться в Ургу. Но сама попытка обращения к японскому императору говорила о готовности теократической клики Урги вступить в сговор со злейшими врагами монгольского народа — японскими империалистами.

В 1912 г. в Петербург была командирована из Урги вторая миссия во главе с Ханда-Доржи для переговоров с правительством царской России о границах, займе, помощи в организации армии и т. д. Центральным пунктом переговоров был вопрос о границах. В результате переговоров царизм согласился на присоединение к богдоханской монархии Кобдоского округа, но отклонил ее законное право на Внутреннюю Монголию. В феврале 1913 г. было заключено специальное соглашение о формировании монгольской бригады в составе двух конных полков с пулеметами и артиллерийскими подразделениями, включавшей всего 1900 солдат и офицеров. Для обучения личного состава бригады монгольское правительство должно было пригласить русских инструкторов. Соглашение было подписано сроком на один год. Царское правительство обещало также предоставить правительству богдо-гэгэна заем в 2 млн. руб. и некоторое количество вооружения.

С такими результатами миссия Ханда-Доржи в марте 1913 г. покинула столицу России и выехала, на родину.

Ведя переговоры с царской Россией, правительство богдо-гэгэна одновременно искало возможности укрепить свои позиции установлением

дипломатических отношений с другими государствами, в частности с Соединенными Штатами Америки, Англией, Германией, Японией, Францией, Бельгией и т.д. В письме министра иностранных дел феодально-теократического государства, адресованном государственному департаменту США, говорится, что монголы, «отделившись от Цинской империи, создали независимое суверенное государство, возвели на трон всемонгольского хана, главу духовенства Халхи Джебзундамба, передав в его руки всю полноту государственной и духовной власти. Извещая об этом уважаемое правительство, просим заключить договор о торговле и дружбе, 9 числа первого зимнего месяца 1912 г.»

Мы уже видели, как провалилась попытка Урги опереться на Японию. Столь же неудачными были попытки установить контакт с другими странами, предпринимаемые богдогэгэновским правительством. Этому препятствовал, царизм, который не хотел, чтобы вновь созданное монгольское государство добилось признания на международной арене. Да и сами империалистические государства, к которым обратилось правительство богдо-гэгэна, не проявляли активности в монгольском вопросе из-за всего усиливавшихся межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке.

Заключение русско-монгольского соглашения от 3 ноября 1912 г. вызвало сильное раздражение в лагере китайской реакции, настойчиво требовавшей от Юань Шикая жестоких карательных мер против «взбунтовавшейся» кучки феодалов. Так она стремилась квалифицировать широкое национально-освободительное движение монгольского народа. Пекинское правительство стало готовить карательную экспедицию из Синьцзяна во Внешнюю Монголию. Правительство царской России летом 1913г. ввело в район Кобдо русские войска, что вынудило пекинское правительство вернуть войска, отправленные им к границам Внешней Монголии.

К этому времени особенно накалилась обстановка во Внутренней Монголии и Барге. На пути своего освобождения монголы встречали огромные трудности. Из Пекина были посланы карательные экспедиции. В ответ на просьбы о помощи богдо-гэгэновское правительство (вопреки серьезным возражениям царизма) направило свои воинские части в хошуны Внутренней Монголии. В начале 1913 г. между монгольскими и китайскими войсками разгорелись ожесточенные бои, дававшие перевес то одной, то другой стороне. Царская Россия, как империалистическая держава, разграничившая специальными договорами с Японией «сферу влияния» в Монголии, не могла поддерживать усилия ургинского правительства присоединить Внутреннюю Монголию. Когда правительство богдо-гэгэна обратилось к царской России с просьбой взять под свою защиту хошуны Внутренней Монголии, она ответила отказом. Царское правительство писало богдо-гэгэну, что если китайские войска вторгнутся во Внешнюю Монголию, то Россия немедленно придет ей на помощь, но что она не может давать ей деньги или оружие для проведения военных операций за пределами Внешней Монголии.

Такая позиция царизма была известна в Пекине. Юань Шикай воочию убедился, что действия против Внешней Монголии приведут к столкновению с Россией. Вступать же в вооруженный конфликт с ней он не мог, и у него не было сил для этого.

В сложившихся условиях царская Россия и Китайская республика стремились добиться осуществления взаимовыгодных целей и решить монгольский вопрос за спиной самих монголов.

Так была подготовлена почва для переговоров, которые завершились 5 ноября 1913 г. подписанием русско-китайской декларации, признавшей Внешнюю Монголию автономной, территорию Внешней Монголии — частью

территории Китая, а правительство Китая — сюзереном автономной Внешней Монголии⁷³.

«Признавая исключительное право монголов Внешней Монголии,— говорилось в декларации,— самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет посылать войск во Внешнюю Монголию, не содержать там никаких гражданских или военных властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны... Россия, со своей стороны, обязуется не содержать войска во Внешней Монголии, за исключением конвоев, не вмешиваться в какую-либо отрасль управления этой страны и воздерживаться от ее колонизации».

Правительство Китая согласилось с тем, что автономная Внешняя Монголия будет состоять из четырех халхаских аймаков и Кобдоского округа, что территориальные вопросы, связанные с Внешней Монголией, будут решаться только с ведома правительства царской России. «Что касается политических и территориальных вопросов, то по ним китайское правительство будет консультироваться с русским правительством путем переговоров, в которых власти Внешней Монголии будут принимать участие».

По русско-китайской декларации 1913 г. Внешняя Монголия получала довольно широкую внутреннюю автономию. Правительство Автономной Монголии имело право вести переговоры даже, с другими государствами по экономическим вопросам и заключать соответствующие соглашения. Но оно не могло вступать в переговоры с другими государствами по вопросам политического характера и заключать политические договоры.

73 Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. – М.: Госуд. Изд-во политической литературы, 1952. – с. 418-420

Так без участия монголов, за их спиной, в 1913 г. была «решена» судьба Внешней Монголии. Основные положения русско-монгольского договора были в 1913 г. официально признаны и подтверждены правительством Китая.

Русско-китайская декларация вызвала в правящих кругах Монголии отрицательную реакцию. 2 декабря 1913 г. дипломатическому представителю России в Урге была вручена нота монгольского правительства о том, что оно категорически отказывается признать русско-китайскую декларацию обязательной для Монголии.

Таково было официальное отношение правительства богдо-гэгэна к русско-китайской декларации 1913 г. о Монголии. Но монгольское государство, как таковое, продолжало существовать независимо от того, как называли его.

Опубликование русско-китайской декларации 1913 г. по монгольскому вопросу, предусматривавшей образование Автономной Монголии под фактическим протекторатом царской России, серьезно обеспокоило империалистические державы — Англию, Францию, Германию, Японию и США. Те из них, интересы которых, так или иначе, соприкасались с Внешней или Внутренней Монголией, проявляли явную настороженность. В частности, Япония была не прочь закабалить всю Монголию, но боялась это сделать, так как была связана с царской Россией секретными договорами о разделе «сфер влияния» в Монголии. Япония зорко следила за каждым шагом России в монгольских степях.

Большую активность проявил в Монголии американский империализм. Монголия уже в конце XIX в. привлекала усиленное внимание американских монополий, которые стремились получить концессии на лесные и минеральные богатства и тем самым проникнуть в Монголию. В 1910 г. представители американских финансовых кругов вели переговоры с маньчжурским правительством о получении концессии на постройку железной дороги Калган — Урга. После свержения в Монголии маньчжурского ига американские

правящие круги, поддерживавшие в Китае реакционный режим Юань Шикая, стояли за ликвидацию независимости богдоханской монархии и передачу ее под контроль Китая, где американский капитал занимал сильные позиции. После заключения русско-китайской декларации 1913 г. для ознакомления с обстановкой во Внешней Монголии в декабре 1913 г. Ургу посетил американский дипломат Рокхилл. Представитель американских фирм в Урге, выражая официальную линию американского правительства по так называемому монгольскому вопросу, всячески поддерживал в правительстве: богдо-гэгэна феодалов, которые ориентировались на юаньшикаевский Китай.

Такова была экспансионистская политика американского империализма в Монголии. В то же время она отражала усиление империалистических противоречий в борьбе за передел мира.

Правительство богдо-гэгэна, пользуясь установлением статус-кво на Дальнем Востоке и видя заигрывание с ним иностранных держав, продолжало развивать активную внешнеполитическую деятельность.

В ноябре 1913 г. в Петербург выехала новая монгольская миссия во главе с премьер-министром сайн-нойон-ханом Намнан-Сурэном. Миссия ставила перед собой задачу договориться с царским правительством о предоставлении Монголии нового займа, о дополнительном снабжении оружием и т. д. 4 декабря 1913 г. сайн-нойон-хан в специальной ноте довел до сведения царского правительства, что правительство богдо-гэгэна, получив 7 ноября текст русско-китайской деклараций и ознакомившись с ним, а также с содержанием нот, которыми обменялись представители России и Китая, «с удовлетворенной убедилось, что Китаем и Россией обеспечены и признаны за монголами существующий ныне государственный строй и независимость во всех областях внутреннего управления, в делах, касающихся торгово-промышленных, железнодорожных, телеграфных и финансово-экономических вопросов, а равно в связи с этим в дружественных взаимных отношениях с другими державами». «Но наряду с этим, - говорилось в ноте, - уже неоднократно раньше Монголия

заявляла, что она окончательно порвала связи с Китаем и что она не признает никакой зависимости от последнего». «Поэтому,— указывалось в конце ноты,— монгольское правительство будет настаивать на таком определении границ монгольского государства, чтобы в состав его были включены все присоединившиеся монголы».

Такая же нота была вручена сайн-нойон-ханом посольству Китая в Петербурге.

Как видим, вопрос о присоединении Внутренней Монголии к Внешней находился в центре внешней политики богдогэгэновского правительства. В то время, когда сайн-нойон-хан вел в Петербурге переговоры с царским правительством, войска богдоханской монархии продолжали сражаться вместе с повстанческими отрядами Внутренней Монголии против карательных поисков Юань Шикая. Местные повстанческие отряды и посланные туда войска богдогэгэновского правительства добивались побед в боях с превосходящими силами противника; им оказывало активную помощь местное монгольское население.

Сайн-нойон-хан дважды побывал на приеме у русского царя Николая II, много раз встречался с членами царского правительства, пытаясь получить ответ на вопросы о судьбе Внутренней Монголии, о займе, о снабжении оружием, о постоянном дипломатическом представительстве Монголии в Петербурге и т. п. Царское правительство, со своей стороны, категорически настаивало, чтобы богдо-гэгэн отозвал свои войска из Внутренней Монголии и Барги. Решение ряда вопросов, в том числе о займе, снабжении оружием, царское правительство ставило в зависимость от выполнения Монголией этого требования.

В конце концов, царское правительство решило предоставить правительству богдо-гэгэна новую ссуду в 3 млн. руб. и выделить для нужд монгольской армии дополнительное вооружение и снаряжение. Сайн-нойон-

хан, в свою очередь, от имени богдогэгэновского правительства дал обязательство отозвать из Внутренней Монголии и Барги войска монгольского государства, согласился принять предложенного царским правительством русского специалиста в качестве советника монгольского правительства. Сайн-нойон-хан дал также обещание принять участие в будущих тройственных русско-китайско-монгольских переговорах.

Выполняя принятое на себя обязательство, правительство богдо-гэгэна вывело свои войска из пределов Внутренней Монголии. Весной 1914 г. ушли из Внешней Монголии и русские войска, находившиеся там с 1913 г.

Однако богдогэгэновское правительство, отозвав свои войска с полей сражений, не отказалось от объединения страны. Оно рассчитывало добиться этого дипломатическим путем на предстоящей тройственной конференции.

Кяхтинская тройственная конференция занимает в истории монгольского феодально-теократического государства особое место. Конференция, в которой участвовали Китай, Монголия и царская Россия, осенью 1914 г. начала свою работу и закончила ее через восемь месяцев, в мае 1915 г. Столь затяжной характер конференции показывает, насколько серьезен был обсуждавшийся вопрос о судьбе Монголии. Каждая делегация привезла с собой свой готовый проект, который в корне отличался от других. Китайская делегация прибыла с твердым намерением низвести суверенитет монгольского государства до уровня обычной провинции Китая.

Делегация царской России отстаивала идею широкой автономии для Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая и совершенно не затрагивала вопроса о судьбе Внутренней Монголии.

Что же касается монгольских представителей, то они настойчиво добивались признания полной государственной независимости Монголии. Но им не удалось отстоять своих позиций.

Монгольская делегация была вынуждена, в конце концов, принять идею широкой автономии, к которой после долгих препирательств присоединилась и китайская делегация. Это соглашение полностью подтвердило принципы русско-китайской декларации 5 ноября 1913 г.

Исход конференции, как это обычно бывает в международно-правовой практике эпохи империализма, зависел отнюдь не от аргументов того или иного участника, а от общего соотношения сил государств-участников, в котором сильные диктуют свою волю слабым.

Тройственное Кяхтинское соглашение было подписано 25 мая 1915 г.⁷⁴. По утверждению дипломатических представителей царизма, «по этому акту Внешняя Монголия окончательно признается внутренне самостоятельным государством, находящимся в вассальной зависимости от Китая».

Кяхтинское тройственное соглашение окончательно определило международно-правовое положение монгольского государства, сведя его к уровню «автономии Внешней Монголии», что было признано и подписано официальными представителями правительства богдо-гэгэна.

Что же касается широких слоев монгольского народа, то они были глубоко возмущены исходом Кяхтинской конференции, ограничившей политическую независимость страны и явившейся прелюдией к усилению национально-колониального гнета.

Китайские милитаристы от Юань Шикая до Цао Куня, обуреваемые агрессивными замыслами, в конце 1919 г. послали в Ургу генерала Сюй Шучжэна, чтобы силой оружия ликвидировать автономию Внешней Монголии, что и было осуществлено.

История богдоханской монархии Монголии (1911—1919) — ее возвышение, падение и ликвидация — показала, что китайские милитаристы,

74 Тройное соглашение об автономии Внешней Монголии. – Урга: Русско-монг. Тип., 1915 . – 28 с.

так же как и империалисты, являются врагами национальной независимости монгольского народа.

III. III. Общественный и государственный строй феодально-теократической монархии

Монголия, свергнув маньчжурское иго, превратилась в феодально-теократическую монархию. Глава ламаистской церкви в Монголии, богдо-гэгэн Джебзундамба-хутухта, стал повелителем монголов, неограниченным самодержавным монархом, сосредоточившим в своих руках всю полноту, как духовной, так и светской власти.

Главным достижением национально-освободительного движения монгольского народа были возрождение монгольской государственности, ликвидация двухсотлетнего маньчжурского господства.

Созданный после переворота государственный аппарат целиком и полностью служил классовым интересам феодалов, являясь орудием эксплуатации монгольских народных масс. Монгольские араты — главная движущая сила национально-освободительной борьбы — активно выступали за социальное и национальное раскрепощение. Но они были обмануты в своих

надеждах. Свержение маньчжурских властей в Монголии привело к ликвидации национального гнета Цинской династии, что, несомненно, принесло стране некоторое облегчение. Однако это не означало полного освобождения от национального гнета вообще. В стране оставался и начал усиливаться китайский ростовщический капитал, возросло экономическое и политическое влияние царизма, продолжалось проникновение капитала США, Японии и других империалистических держав.

Как известно, правительство богдоханской монархии состояло из пяти министров, ответственных только перед богдо-гэгэном, им назначавшихся и им же смещавшихся. Эти министры ведали иностранными делами, внутренними делами, вооруженными силами, финансами и юстицией. Аппарат угнетения и эксплуатации аратства, созданный маньчжурами, был сохранен и продолжал функционировать по-старому. Руководство государственным аппаратом находилось всецело в руках феодалов; только они были допущены к власти.

Впрочем, в 1914 г. было создано и некоторое подобие парламента из двух палат: верхней, куда входили дзасаки, министры, их заместители и другие крупные феодалы, и нижней, которая состояла из чиновников и невладетельных феодалов.

Палаты носили лишь совещательный характер: они собирались по повелению богдо-гэгэна и распускались, когда надобность в них, по мнению богдо-гэгэна, отпадала.

Создание этого подобия парламента, несмотря на его незначительную роль в политической жизни страны, все же было прогрессивным явлением, вызванным к жизни не столько желанием правящих феодалов использовать его как громоотвод от народного гнева в случае провала тех или иных мероприятий, сколько стремлением средних, мелких чиновников и торговцев участвовать в управлении государством.

В хошунах же все оставалось по-старому. Как и при Цинах, хошуны делились на сомоны и десятки. Хошунный дзасак — владетельный князь в богдоханской монархии, как и в маньчжурскую эпоху, был полновластным вершителем судеб своих крепостных, которыми он правил с помощью тех же тусалакчи, дзахиракчи, мэйрэнов и дзанги. Не стало маньчжурских амбаней, но их место заняли наместники богдо-гэгэна (сайты) в Кобдо, Улясутае, т. е. там же, где раньше были резиденции амбаней.

Богдогэгэновское правительство оставило в силе цинское законодательство и учрежденный Цинами сословный суд; для ханов, князей и тайджи существовал один суд, для крепостных аратов — другой. Хошунный дзасак по-прежнему совмещал в себе судебную, административную и военную власть.

Араты, как и прежде, остались классом крепостных, обязанных своим трудом содержать крепостников-феодалов, лам и крепостническое государство. Аратство, бесправное при маньчжурах, не получило прав и в этот период. Как и раньше, аратство делилось на сословия хамджилга, шабинаров и албату. Ламство принадлежало к паразитическому привилегированному сословию.

Существенной особенностью социального строя феодально-теократической Монголии был его ярко выраженный теократический характер. Феодальное ламаистское духовенство больше других выиграло от свержения маньчжуров и от образования монгольского государства. Пользуясь тем, что на ханском престоле сидел глава церкви, церковные феодалы стали теснить князей и других светских феодалов, стремясь урвать в свою пользу наибольшую часть феодальных доходов. Первым после премьер-министра богдогэгэновского правительства считался министр внутренних дел, один из крупнейших церковных феодалов — далама Цзрэн-Чимид. Под его руководством вскоре после свержения цинской власти было проведено распределение скота, принадлежавшего маньчжурскому императорскому дому и конфискованного указом богдо-гэгэна. Тысячи верблюдов и лошадей были розданы князьям и

высшим ламам, причем последние получили весьма значительную часть бывших императорских стад. Через несколько месяцев после этого, в 1912 г., Цэрэн-Чимид как министр внутренних дел обратился к Тушэту-вану, возглавлявшему министерство финансов, с письменной просьбой об оказании материальной помощи «терпящему нужду» управлению богдогэгэновских шабинаров. В том же, 1912 г. богдо-гэгэн специальным указом освободил шабинаров от всех налогов, кроме сборов на проведение богослужений и на приобретение изображений будды. В 1916 г. этот указ был «разъяснен» таким образом, что культовые расходы должны ложиться на шабинаров.

Высшие ламы составляли ближайшее и наиболее влиятельное окружение богдо-гэгэна, в значительной мере определяя его внешнюю и внутреннюю политику. Они получили из государственной казны огромные, совершенно непосильные для разоренной страны суммы в виде различных пособий и пенсий. Отметим для примера Ламаин-гэгэна, который владел огромной территорией в 20 тыс. кв. км, имел 2 тыс. крепостных семейств и получал, кроме того, ежегодное «пособие» от казны в сумме 15 - 18 тыс. зол. руб. Высшие ламы широко использовали государственную власть для увеличения числа своих крепостных, отнимая их у светских феодалов.

В этот период особенно сильно возросли права и привилегии духовных феодалов. По их настоянию правительство богдо-гэгэна перевело в ведение шабинского ведомства целиком население ряда хошунов, что давало монастырям и высшим ламам дополнительные источники обогащения.

Число шабинаров во владениях только богдо-гэгэна за годы монархии увеличилось с 55479 до 89 362 человек. По некоторым данным, около 1/3 всего населения Халхи в годы монархии находилось в крепостной зависимости от церковных феодалов. Личный бюджет богдо-гэгэна доходил в год до 900 тыс. ланов⁷⁵, за ним следовали семь других крупных хутухт и многочисленная свора

75 История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб, Л. И. Думан; гл. ред. А. П. Окладников. - Москва: Наука, 1983. - с. 279

более мелких хубилганов, хамбо, дэд хамбо, цорджи и т. п., превратившихся при монархии в первое сословие в стране.

Такое резкое усиление экономических и политических позиций феодального духовенства не могло не вызвать сопротивление со стороны светских феодалов. С течением времени в Монголии развернулась и обострилась борьба между светскими ханами и князьями, с одной стороны, и высшими ламами — с другой. То была борьба двух групп феодалов за наибольшую долю каждой из них в распределении феодальных доходов, за привилегированное положение в стране. Эта борьба нашла свое выражение при определении внешней политики богдоханской монархии. Ламская клика, окружавшая богдо-гэгэна, уже с 1912 г., как мы видели, больше всего тяготела к установлению контактов с японским империализмом, что в тогдашних условиях могло бы обратиться трагедией для монгольского народа. Наоборот, влиятельные светские феодалы в ту пору ориентировались на Россию. Богдогэгэновская клика в борьбе против своих противников не останавливалась ни перед чем, прибегая к различным методам, даже к отравлению. Таким путем она разделалась с премьер-министром сайн-нойон-ханом Намнан-Сурэном и министром иностранных дел цинь-ваном Ханда-Доржи, проводившими линию, направленную на укрепление связей с Россией.

Однако основным противоречием в общественном строе Монголии было противоречие между классом феодалов и крепостным аратством. Свержение ига Цинской династии частично освободило аратство от уплаты ростовщикам огромного долга, исчислявшегося миллионами рублей, от расходов на содержание маньчжурской бюрократии, маньчжурских гарнизонов и т. п., что облегчило податное бремя, под тяжестью которого аратство до 1911 г. буквально задыхалось. Прекращение начатой маньчжурским правительством колонизации устранило бесконтрольный приток в страну китайцев. Тем не менее, гнет феодальной эксплуатации не ослабел. Наоборот, феодалы, стремясь поправить свои дела, пошатнувшиеся в последний период правления Цинской

династии, теперь доводили до предела эксплуатацию аратов. Поэтому пауперизация аратского хозяйства, начавшаяся в условиях маньчжурского ига, продолжалась и в годы богдо-гэгэновской монархии.

Тяжелое положение аратства в период монархии послужило основной предпосылкой обострения классовой борьбы в стране. Одним из наиболее ярких проявлений классовой борьбы аратства в этот период явилось выступление аратов в хошуне князя Манибазара Дзасакту-ханского аймака, известное как движение Аюши. Это движение не было единичным. Подобные аратские движения имели место и в других районах страны, в частности в Тушэту-ханском и Цэцэн-ханском аймаках. Серьезные волнения происходили и среди солдат Внешней Монголии. Солдатские выступления были частью классовой борьбы аратства того периода.

Принципиально аратское движение ничем не отличалось от крестьянских движений других стран. Одной из специфических черт аратского движения был его локальный характер в еще большей степени, чем у крестьянских движений других стран. Кочевой образ жизни, крайняя неразвитость экономических связей, редкое население, огромные пространства усиливали разобщенность аратских движений. В дореволюционной Монголии не было городов в подлинном смысле этого слова, аратское движение в степи не могло ждать какой-либо поддержки. Но, несмотря на все преграды и препятствия, аратское движение расширялось.

Борьба аратов облекалась в разные формы: частичное, пассивное сопротивление отдельных аратов, ведение тяжбы с феодалами, уход или откочевку от них, дугуйлан, наконец, вооруженное восстание⁷⁶. Пассивное сопротивление отдельных аратов происходило повседневно в феодальной Монголии. Оно охватывало широкие круги аратов и выражалось в отказе от выплаты налогов, от выполнения приказов феодальных властей и т.д. В

⁷⁶ История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб, Л. И. Думан; гл. ред. А. П. Окладников. - Москва: Наука, 1983. - с. 282

условиях скотоводческого хозяйства одной из самых распространенных форм протеста аратов было сокрытие поголовья скота от феодалов. По мере усиления феодальной эксплуатации араты от частичного, пассивного сопротивления переходили к активной борьбе. Так, например, нередко они начинали тяжбу со своими князьями и откочевывали от них. В условиях Монголии откочевка была одной из эффективных форм борьбы. Дугуйлан представлял собой более организованную борьбу аратов с феодалами. Вооруженная борьба, восстания были высшей формой аратского антифеодального движения.

Кроме аратов к движению примыкали низшие ламы и цирики (солдаты), иногда выступавшие и самостоятельно. В аратских выступлениях также принимали участие мелкие тайджи, однако они на первых порах ставили перед собой другие цели. Если араты боролись против феодального гнета вообще, то тайджи в своем большинстве стремились в первую очередь только восстановить свои права, ущемленные крупными феодалами. Они стремились освободить себя и своих хамджилга (дворовых) от государственных и княжеских повинностей, с тем, чтобы самим получать возможность безраздельной эксплуатации. Тайджи, сперва игравшие реакционную роль в аратском движении, тормозившие его своей нерешительностью и соглашательством, постепенно переходили на более последовательные позиции под влиянием углубления и расширения этого движения. Аратское движение еще не выработало оформленной программы борьбы, его ближайшая задача заключалась в том, чтобы максимально ослабить тяжелый налоговый гнет. Характерной чертой аратского движения была его стихийная направленность одновременно и против феодалов, и против чужеземных поработителей в лице купцов-ростовщиков. Феодальное государство выступало как машина подавления народного движения. Хотя аратское движение было стихийным, неорганизованным, оно было подлинной движущей силой монгольского общества. Исторически прогрессивное значение антифеодального аратского освободительного движения заключается в том, что оно, нанеся ощутимые

удары по феодальному строю и подрывая его устои, облегчило победу народной революции.

Реакционному, антинародному общественному строю богдогэгэновской монархии соответствовала и реакционная, антинародная экономическая политика ее правительства.

Бюджет Внешней Монголии из года в год оставался дефицитным. Дефицит неизменно покрывался из так называемых чрезвычайных доходов, т. е. из займов царской России. За годы богдогэгэновской монархии Россия трижды ссужала деньги правительству богдо-гэгэна. Первый заем сроком на десять лет был предоставлен в начале 1913 г. на сумму 100 тыс. руб. на организацию армии; второй заем сроком на 20 лет был дан в начале 1914 г. на сумму 2 млн. руб. на расходы по формированию вооруженных сил и на нужды управления; третий заем в сумме 3 млн. руб. сроком на 30 лет был предоставлен в том же, 1914 г. Царские, займы носили кабальный характер. Они каждый раз сопровождались новыми уступками со стороны правительства богдо-гэгэна⁷⁷.

Главное место в бюджетных доходах занимали таможенные сборы, удельный вес которых достигал 70% и более. Львиную долю их приносили не внешние таможи (русский экспорт и импорт по договору от 3 ноября 1912 г. были освобождены от обложения), а внутренние, взимающие пошлину за товары, сырье и скот, перемещавшиеся из одного района в другой внутри страны. Внутренняя пошлина оплачивалась оставшимися в Монголии китайскими купцами, а также монголами, покупавшими или продававшими скот и сырье (русские купцы были освобождены от этих сборов). Эта система, порожденная феодальной раздробленностью, в свою очередь, способствовала ее усилению, препятствуя внутреннему товарообороту и образованию единого рынка. Таможенный тариф 1916 г. облагал пошлиной в размере 5% рыночной цены на все товары, ввозимые и вывозимые через границу китайцами и

77 История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб, Л. И. Думан; гл. ред. А. П. Окладников. - Москва: Наука, 1983. - с. 283

монголами, а также продаваемые на рынках Урги, Улясутая, Кобдо и Кяхтинского Маймачена.

Внутренние пошлины впервые в истории Монголии были введены в период феодально-теократического государства. Они оказались необходимыми правительству богдо-гэгэна в качестве дополнительных источников государственных доходов; в них было заинтересовано и правительство царской России, рассчитывавшее таким путем затруднить проникновение на территорию Внешней Монголии европейского, американского, японского и других капиталов.

Доходы от прочих статей бюджета на протяжении всей истории богдоханской монархии не играли значительной роли.

В расходной части государственного бюджета совершенно отсутствовала статья на народное здравоохранение, но зато пенсии и пособия князьям в 2,5 раза превышали расходы на просвещение и ветеринарию; большую долю государственного бюджета составляли расходы на содержание богдо-гэгэна и его двора. Игнорируя действительные нужды страны и народа, правительство богдо-гэгэна одним из первых своих указов восстановило выплату всем феодалам жалованья за звания и титулы в размерах, установленных в 1733 г. маньчжурским императором Юнчжэном.

В государственном бюджете был, правда, так называемый «фонд реформ», предназначенный для финансирования мероприятий культурно-хозяйственного строительства. Этот фонд составлялся из поступлений от лесного налога, из доходов от телеграфа и телефона, из прибылей кирпичного завода и угольной шахты в Налайхе. В 1916 г. в этот фонд поступило 524 726 зол. руб., из которых на мероприятия социально-культурного характера было израсходовано менее 20% и на хозяйственные нужды — около 40%. Свыше 40% фонда было истрчено на содержание аппарата так называемого комитета реформ.

При этом строившиеся комитетом реформ предприятия (электростанция, телефонная станция, кирпичный завод, типография) обслуживали в основном чиновную знать столицы, а мероприятия в области народного образования сводились к открытию единственной школы в Урге и нескольких школ грамоты в отдельных хошунах; ветеринарная практика заключалась главным образом в организации противочумных прививок скоту, предназначенному на вывоз за границу. Таким образом, эти нововведения почти ничего не давали широким аратским массам.

Анализ «местных бюджетов» правительства богдо-гэгэна также показывает их сугубо феодальный, антинародный характер. Хошунские дзасаки выкачивали у крепостных аратов столько средств, сколько считали необходимым; они налагали на аратов всевозможные поборы, ни перед кем не отчитываясь. Они бесконтрольно и без ограничений расходовали собираемые средства на цели, ничего общего с культурой и прогрессом не имевшие.

Русско-монгольское соглашение 3 ноября 1912 г. и Кяхтинское русско-китайско-монгольское соглашение от 25 мая 1915 г. создавали русскому капиталу исключительно благоприятные условия для захвата монгольского рынка. Однако русские капиталисты не сумели в полной мере воспользоваться результатами дипломатических побед царизма; им не удалось занять место китайских купцов, изгнанных в своем большинстве в 1911 — 1912 гг. из Монголии. Они не стали монопольными поставщиками промышленных товаров и не смогли удовлетворить спрос монголов на эти товары. Завоз товаров в Монголию из России в 1912—1915 гг. не превышал 30—35% потребности рынка, что при отсутствии ввоза из Китая скоро привело к острому товарному голоду.

Первая мировая война вызвала ослабление позиций царской России в Монголии, куда с 1916 г. вовсе прекратилась доставка русских товаров.

Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г., легализовавшее деятельность китайского купечества в Монголии, хотя и не уравнило его в правовом отношении с русскими капиталистами, очень скоро привело к восстановлению преобладающей роли китайцев как поставщиков товаров в Монголию и как покупателей монгольского сырья. Непрочность экономических позиций царизма наряду с его военными неудачами на фронтах мировой войны неизбежно влекла за собой и постепенное падение политического престижа царской России в Монголии.

Однако ослабление царизма на Дальнем Востоке не способствовало укреплению независимого положения монгольского государства. По мере того как падало влияние царской России, активизировалась агрессивная политика японского империализма. Япония еще до первой мировой войны начала подготовку к захвату всей Монголии. Так, например, в конце 1913 г., после подписания русско-китайской декларации об Автономной Монголии в Ургу прибыл японский чиновник Кодама, который вел переговоры с министром иностранных дел Ханда-Доржи, предлагая помощь в объединении Внешней и Внутренней Монголии в одно независимое от Китая государство. В обмен на эту «помощь» Кодама просил предоставить Японии «известные торговые и территориальные права и льготы». Хотя предложения Кодама были сочувственно встречены многими влиятельными феодалами и высшими ламами, миссия Кодама не имела успеха; в дело вмешалась царская Россия, и японскому правительству пришлось официально отмежеваться от Кодама и от его предложений.

В лице некоторых высших лам, окружавших богдо-гэгэна, японские империалисты имели надежных сторонников. По их инициативе богдо-гэгэн 13 января 1914 г. написал японскому императору второе письмо, в котором высказывал сожаление, что прежние попытки установить связи между Монголией и Японией были неудачны, и выражал надежду, что японский император согласится оказать содействие «доброму делу» объединения всех

монголов. Но эта попытка правительства богдо-гэгэна опереться на японский империализм потерпела провал. Письмо богдо-гэгэна попало в руки правительства царской России, вследствие чего Японии пришлось сделать вид, что оно к нему непричастно.

Новое широкое наступление японского империализма на Азиатском материке было предпринято в 1915 г. «21 требование», предъявленное японским правительством 18 января 1915 г. Китаю, знаменовало собой начало этого наступления. Агрессия японского империализма против Китая таила в себе опасность и для Монголии.

Великая Октябрьская социалистическая революция и образование Советского государства отвели эту угрозу от монгольского народа, навсегда спасли его от колониального рабства и помогли ему разбить цепи феодального гнета.

Великий Октябрь положил начало крушению колониальной системы империализма. Страна Советов, аннулировав все кабальные договоры, заключенные царизмом со странами Востока, в том числе с феодально-теократической монархией Монголии, протянула руку дружбы всем угнетенным народам, стала их реальным и последовательным защитником и другом.

Именно Советская страна выступила за применение в международных отношениях принципов равенства и взаимной выгоды, взаимного уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга.

Заключение

Монгольское общество было полно различных, весьма сложных противоречий, то переплетавшихся между собой, то резко расходившихся, в зависимости от внешней и внутренней обстановки страны.

Главным противоречием монгольского общества было противоречие между аратами, с одной стороны, внутренними и внешними эксплуататорами (маньчжурскими и монгольскими феодалами, китайскими ростовщиками и проникшими со второй половины XIX века иностранными капиталистами), - с другой. В проявлении этого противоречия выражалась классовая борьба угнетенного аратства.

Классовая борьба происходила вокруг основной формы эксплуатации - феодальных повинностей и уплаты долгов китайским ростовщикам.

В Монголии, в условиях кочевого быта, разбросанности населения на большой территории и отсталости, крестьянское движение в рассматриваемый период носило стихийный характер, начиная с возмущения несправедливостью

и глухого протеста одиночек во второй половине XIX века и кончая групповыми протестами, тяжбами и слабо организованными выступлениями.

Освободительное движение против маньчжурского ига носило и антиростовщический характер.

Монгольские феодалы не были заинтересованы в разорении своих подданных, ибо оно серьезно уменьшало их доходы. Поэтому они выступали якобы за справедливость в расчетах по долгам и за уменьшение долгов хошуна, тем самым затушевывая борьбу аратов, направленную против них самих. Это было удобно для них выдавать себя за защитников «интересов хошуна», «интересов разоренных и обедневших гайджи и аратов» против несправедливости китайских фирм в расчетах по долгам и т.д.

Так стихийное, разрозненное движение аратов использовалось господствующим классом в своей междуусобной борьбе. В этом сказалась слабая сторона движения этого периода.

Противоречия были и внутри светских феодалов, в частности между владельческими и невладельческими. Эти противоречия внутри светских феодалов выражались также в области экономики — в переложении повинностей и долгов государственного значения на другие аймаки и хошуны, сокрытие скота, указании в актах преувеличенного количества погибшего от стихии скота и степени разоренности дворянства.

Противоречия внутри светских феодалов в области политики проявлялись в борьбе за получение высоких должностей и новых званий от маньчжурского правительства.

Таким образом, в аратском движении против хошунных правителей и ростовщиков принимали участие разорившиеся дворяне для восстановления или сохранения своего привилегированного положения. Они пользовались своей грамотностью и осведомленностью о порядках правосудия, составляли

петиции, включая в них и свои требования. Их участие в аратском движении, как правило, играло отрицательную роль, т.к. они уводили аратов в сторону от классовых требований, затушевывали их классовый характер, подрывали аратское движение, а в решительный момент сами отходили от него.

В Монголии все больше усиливалось движение аратства против монгольских и маньчжурских феодалов и китайских купцов. Одной из причин национально-освободительного движения явились неоплаченные долги китайским фирмам. Об этом прежде всего говорит крупное антиростовщическое и антифеодальное волнение в самом разоренном во всей Халхе районе Сансрайдоржи.

Монгольские феодалы оставили в стороне свои внутренние противоречия и, выдавая себя за защитников монгольских национальных интересов и религии, спланировались вокруг имени богдо-гэгэна. Они распускали разные слухи о былых временах Чингис-хана, о его божественных свершениях и о необходимости освобождения от маньчжурского ига и создания своего государства.

Таким образом, влиятельные феодалы Внешней Монголии, опираясь на силу разоренных и обнищавших масс аратства, в частности на организованную силу ургинских ополченцев и героизм солдат, взявших штурмом города Кобдо и Улясутай, пришли к власти.

Феодалы выступали против маньчжурского господства за восстановление своего бывшего самостоятельного господства над аратами. Решающей силой освободительного движения 1911 года были араты: в начальный период — араты двух восточных аймаков, а затем — западных. Араты были заинтересованы в ликвидации не только национального, но и социального гнета, т.е. гнета маньчжурских, монгольских феодалов и китайских купцов.

Ввиду отсутствия руководящей политической организации и связи с международным рабочим движением, классовая и освободительная борьба

ограничивалась узкокорыстными целями монгольских феодалов. Цель освободительного движения не была достигнута в условиях колонизаторской политики империализма и китайских помещиков и буржуазии. Империализм царской России и помещичьи буржуазные, круги Китая сговорились о совместном, угнетении монгольского народа в форме полуколониального режима.

У руля власти оказались монгольские феодалы, которые сменили чужеземных феодалов. Приход монгольских феодалов к руководству освободительным движением и к власти объясняется следующими обстоятельствами:

1) Монгольские феодалы сумели выдать себя за защитников интересов аратов. Под давлением разоренного аратства они были вынуждены обращаться к вышестоящим властям письмами об облегчении повинностей в связи с засухой, гололедицей или в результате разорения от долгов и т. п.

Эти обращения местных чиновников, к хошунному засагу; хошунных засагов к сеймам и сеймов к маньчжурским амбаням или императору казались аратам заботой «хороших и благородных» князей о своих подданных. Эта иллюзия неорганизованных, угнетенных, измученных аратских масс, закрепились религиозными убеждениями верующих. Все это затуманивало остроту классовой борьбы между аратами и местными феодалами, помогало феодалам встать у власти. На самом деле, монгольские феодалы, «ратовали» за облегчение хошунов от повинностей на какой-то срок, всячески стараясь переложить их на другие хошуны, для того чтобы эти крепостные, обеспечивали их собственные потребности всеми видами феодальной ренты.

2) В освободительном движении принимали активное участие влиятельные ламы. Это объясняется, во-первых, глубоким влиянием ламаистской церкви на население. Церковь, проводя богослужения с мольбой о дожде, против большого снегопада, за обилие жизни и за покой «на том свете»,

являлась идеологическим оружием класса феодалов в деле угнетения темных аратских масс. Такое влияние религии на крестьянскую массу имело место почти во всех странах в период крестьянских войн, которые носили в какой-то мере религиозную оболочку. Во-вторых, тем, что ламы, при недостатке городов и отсутствии промышленных центров, являлись более организованной силой, что облегчало сплочение их борьбе против маньчжурских феодалов в свою пользу. И, в-третьих, ламы церкви, особенно ургинских монастырей, были наиболее грамотными и сведущими в политических и служебных делах. Мы уже отмечали, что в последнее время кадры светских чиновников готовились именно по линии церкви.

3) Из среды ламства была выдвинута самая авторитетная фигура среди монгольских феодалов — богдо-гэгэн — глава церкви, ввиду противоречий между влиятельными светскими феодалами, которые не давали возможности никому из них выдвинуться.

Позиция богдо-гэгэна, которую он занял по поводу отделения Монголии от Цинской империи, объясняется следующими обстоятельствами:

1. Несмотря на то, что богдо-гэгэн почитался маньчжурским двором и обеспечивался всем необходимым, он выступал вместе с халхасскими князьями потому, что имел в Халхе сильную опору в лице верующих масс и влиятельных духовных феодалов, большие богатства и много личных подданных — шабинаров, обеспечивающих его большими доходами.

2. Богдо-гэгэн имел несколько столкновений с маньчжурскими властями. Среди светских феодалов разгорелась борьба «золотого рода Чингис-Хана». Каждая претендовала на роль хана, поэтому с этой точки зрения должен быть руководитель. Таковым являлся глава церкви — богдо-гэгэн.

3. Серьезное разногласие с Далай-ламой, имевшее место в 1905 г., еще более убедило богдо-гэгэна в необходимости самостоятельной деятельности, независимо от Далай-ламы, а, следовательно, от маньчжурского императора.

4. На рубеже XIX – XX веков Монгольская церковь являлась крупной собственностью, в монастырях работали много крепостных.

Важнейшими внешними факторами были: влияние русской революции 1905 г. и китайской революции 1911 года.

Царская Россия и русский военный феодальный империализм, заинтересованные в монгольском рынке, поддерживали стремление халхасских феодалов к освобождению от Цинской империи. Неслыханные размеры повинностей и самая грубая форма эксплуатации аратства маньчжурскими феодалами, алчность и ухищрения китайских купцов заставили аратские массы искать помощи у северного соседа — царской России — в деле избавления от маньчжурского гнета. Этим объясняется стремление монгольских феодалов к сближению с Россией.

В создании автономии, в организации армии и проведении первых реформ монгольские феодалы опирались на поддержку царской России. Царская Россия и русские капиталисты шли на такую поддержку стремлений монгольских феодалов ради своих империалистических интересов, чтобы закрепить за собой, монгольский рынок и получить новые прибыли за счет эксплуатации монгольского аратства. Китайская компрадорская буржуазия в лице правительства Юань-Ши-Кай, Дуань ни жуй и др., игнорируя объявление Халхи, в результате совместных усилий китайского, монгольского и др. народов цинской династии — Монголией государственной самостоятельности, не хотели, чтобы монгольский народ был свободным и независимым от кого-либо. С этого времени усилились противоречия на Дальнем Востоке между иностранными империалистами за овладение Монголией, как богатым источником сырья и важным стратегическим районом.

Таким образом, начавшееся антифеодальное и антиростовщическое движение было использовано монгольскими феодалами в своих классовых целях под флагом борьбы за национальные интересы против чужеземного ига.

В результате национально-освободительного движения монгольского народа, проходившего под влиянием первой русской, революции 1905 г. и буржуазной революции 1911-1912 гг. в Китае. Внешняя Монголия была объявлена независимым государством. Эта независимость, провозглашенная монгольским правительством, оставалась непризнанной как Китаем, так и другими государствами в течение почти четырех лет (1911-1915 гг.) И только в результате длительной дипломатической борьбы было признано право Внешней Монголии на автономию в рамках Китайской Республики. Оно было достигнуто путем преодоления многочисленных препятствий, чинимых реакционными кругами Китая и царской России. Пришедшие к власти в ходе буржуазной революции на смену цинской династии буржуазия и помещики при поддержке иностранного империализма проводили антинародную политику, направленную на сужение задач демократических требований китайского народа, подавление национально-освободительного движения во Внешней Монголии и на сохранение зависимости Китая от иностранного империализма.

Несмотря на все препятствия, трудности и лишения, выпавшие на долю в конце XIX – начале XX в., Монгольскому народу удалось добиться больших успехов в осуществлении если не всех, то некоторых заветных национальных устремлений, прежде всего в восстановлении своей национальной независимости и государственности.

Список использованной литературы и источников

Литература:

1. Баврин Е. П. Монгольская Народная Республика: уверенная поступь / Е. П. Баврин. – М.: Знание, 1980. – 64 с.
2. Базаров Б. В. Внутренняя Монголия КНР и Монголия: Взаимодействия в условиях мировой глобализации / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2002. – с. 6-14.
3. Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии: Воспоминания и письма. А. В. Бурдуков. – М.: Наука, 1969. – 419 с.
4. Гольман М. И. История советско-монгольских отношений / М. И. Гольман. – М., 1981. – 127 с.
5. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин. – М.: Изд. Вост. Лит., 1957. – 299 с.
6. История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб, Л. И. Думан; гл. ред. А. П. Окладников. - Москва: Наука, 1983. - 661 с.
7. Имшенецкий Б. И. Монголия / Б. И. Имшенецкий. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1915. – 40 с.
8. Кудинов И. Ф. В чужих краях. Путешествие по Монголии и Китаю / И. Ф. Кудинов. – М.: Тип. Лит. Т-ва М. Г. Кувшинова, 1887. – 557 с.

9. Кузмин Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – XX в.) / Ю. В. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1997. – 232 с.
10. Клеменц Д. А. Архивный дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году / Д. А. Клеменц. – СПб.: 1895. – 76 с.
11. Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX века: Политические взаимоотношения в 1911-1940 гг. / С. Г. Лузянов. - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 268 с.
12. Майский И. М. Монголия накануне революции / И. М. Майский. – М.: Изд-во вост. Лит., 1959. – 310 с.
13. Михеев В. С. Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию и Урянхайскую землю / В. с. Михеев. – СПб.: Военная Типография, 1910. – 176 с.
14. Овдиенко И. Х. Современная Монголия / И. Х. Овдиенко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 220 с.
15. Осипов А. А. Внешняя политика Монгольской Народной Республики / А. А. Осипов. – М.: ИМО, 1963. – 103 с.
16. Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и современным провинциям Внутреннего Китая / М. В. Певцов. – Омск: 1883. – 354 с.
17. Позднеев А. М. Монголия и монголы / А. М. Позднеев. – СПб.: 1896.
18. Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII – XVIII вв / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. – 216 с.;
19. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. – М.: Наука, 1987. – 239 с.
20. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX – XX веков (история социально-экономического развития) / Б. Ширендыб. – Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. – 518 с.

Зарубежная литература:

21. Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia / T. Allsen. - 2001.
22. Lattimor O. Nationalism and Revolution in Mongolia / O. Lattimor. – Leiden: 1995.
23. Peter S. H. Tang Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931 / S. H. Peter. – Durban: 1959. – 312 p.
24. Rupen R. The Mongolian People's Republic / R. Rupen. – Stanford. Cal. Univ. Press, 1966. - 218 с.

Источники:

25. Бурдуков А. В. Старой и новой Монголии: воспоминания и письма / А.В. Бурдуков. – М.: Наука, 1969. – 419 с.
26. Вестник Азии. – Харбин. – 1923. - №51. – 247 с.
27. Вестник Европы. – 1912. - №11. – 411 с.
28. Витте С. Ю. Избранные воспоминания (1849-1911) / С. Ю. Витте. – М.: Мысль, 1991. – 718 с.
29. Журнал Особого междуведомственного совещания, бывшего в Петербурге под председательством Иркутского генерал-губернатора, егерь-мейстере Л. М. Князева по русско-монгольским делам. – Иркутск: Изд-во «Коковин и К», 1913. – 39 с.
30. Из воспоминаний Юмжагийна Ценденбала // Восток. – 1994. - №5. – 180 с.
31. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – с. 93
32. Коростовец И. Я. От Чингисхана до советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени) / И. Я. Коростовец. – Улан-Батор: ЭМГЭНТ, 2004.
33. Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. – М.: Госуд. Изд-во политической литературы, 1952. – 463 с.
34. Тройное соглашение об автономии Внешней Монголии. – Урга: Русско-монг. Тип., 1915. – 28 с.

